

18+

8

АЛЫЙ КРИК

Себастьян де Каstell

8

Жизнь непредсказуема.
Ты кидаешь кости или
вытягиваешь карту из колоды.
Видишь, что дела плохи,
но продолжаешь танцевать — до тех пор,
пока мироздание не пошлёт тебе немного удачи.

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Алый Крик

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9 (71)
ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Алый Крик / С. де Кастелл — «Эксмо», 2021 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-177455-4

Для семнадцатилетней Фериус Перфекс не существует полутонов. Чёрное или белое. А приёмные родители почему-то говорят, что у истинного аргоси нет врагов. Как же нет? Фериус знает их имена и даже, где они живут. Это маги джен-теп! Она по-прежнему ненавидит их и готова на всё, чтобы они получили по заслугам. Но «ненависть» — это не Путь, по которому следует идти. Не Путь аргоси. За пять лет, что Фериус жила с Дюрралом и Энной, они сделали всё, чтобы она забыла об ужасах, пережитых в детстве, но... видимо, не достаточно. Дерзкая, взбалмошная Фериус вынуждена покинуть дом, и на длинных дорогах её ждут шокирующие открытия, которые изменят её навсегда. А пока она стоит посреди безмолвной пустыни, и к ней приближаются маги, чтобы её убить...

УДК 821.111-312.9 (71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-177455-4

© де Кастелл С., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Мальчик на песке	6
Арга эрес	9
Глава 1	10
Арга локвит	14
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Арга туко	26
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Арга превис	53
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Себастьян де Кастелл

Алый Крик

Copyright © Sebastien de Castell, 2021

Inside illustrations copyright © Sally Taylor, 2021

© Куклей А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается всем
в Hot Key Books – замечательным попутчикам
на извилистом и неровном Пути Восьми Романов.*

Мальчик на песке

Ребёнок бежал босиком по пустыне. Кровь из порезов на ступнях окрашивала песок в ярко-алый цвет, но судя по выражению глаз мальчишки, это была наименьшая из его проблем.

Тогда я этого не знала, но он бежал от своего отца, который любил сына более всего на свете, а теперь хотел убить. То же самое можно сказать и о моём отце, но я пока не готова рассказать эту историю.

Сперва мальчик был всего лишь облачком пыли из белокурых волос, маячивших вдалеке.

В тот день солнце палило нещадно, напоминая всем живым, кто здесь главный, и что пустыни даже в лучшие времена считались проклятым местом. Но у меня был конь, а это всё меняет.

– Думаешь, впереди неприятности? – спросила я Квадлопо, похлопав его по шее.

Конь никак не дал понять, что задумался над этим вопросом – он просто махал хвостом, отгоняя мух. За пять дней, прошедших с тех пор, как мы сбежали в приграничные земли, Квадлопо так и не высказал своего мнения ни по какому поводу. Разве только он полагал, что мне вообще не следовало его красть. В конце концов, никто не желал ему смерти.

Грязные руки и ноги замелькали с невероятной быстротой, когда мальчик ринулся вверх по дюне. Потом он потерял равновесие и скатился по противоположному склону. На вид я бы дала ему не больше семи. Не тот возраст, чтобы бегать по пустыне в одиночку. Грязная синяя туника была разорвана в клочья, а на лице и руках горели злые красные пятна – пацан провёл много времени на солнце без всякой защиты. Вдобавок он хромотал, но продолжал идти, а значит, то, что его преследовало, было хуже боли.

Смелый мальчик.

Оказавшись ярдах в тридцати, он остановился и уставился на меня, будто пытаясь понять, не мираж ли я. Уж не знаю, к какому выводу он пришёл, но думаю, мальчишка бежал долго, потому что ноги у него подкосились и он рухнул на четвереньки. И тут я увидела, как сквозь знойное марево к нам приближаются ещё две фигуры. Высокий мужчина и грузная женщина. Их неестественные шаркающие шаги заставили меня задуматься: не слишком ли это громкие наименования для того, что преследовало мальчика?

Впервые с тех пор как мы столкнулись с неприятностью, Квадлопо забеспокоился. Он выдохнул из ноздрей горячий воздух и принялся рыть копытами песок, пытаясь отвернуться от изломанных фигур, неуклюже идущих к ребёнку. Мальчик теперь лежал ничком на песке, ожидая смерти.

Большинство людей в этих краях, если они заблудятся в пустыне и у них не останется ни воды, ни желания жить, предпочитают встретить смерть, лёжа на спине. Тогда последнее, что они увидят, будет голубое небо над головой. Меж тем мальчик явно стремился отвернуться от своих преследователей.

Теперь, разглядев их как следует, я не могла его винить.

Сумасшествие, как я узнала за свои жалкие семнадцать лет, может иметь самые разные формы, размеры и конфигурации. Я видывала, как совершенно здоровых людей объявляли помешанными, потому что они были уродливы и чудаковаты. Я встречала элегантных, неглупых и состоятельных господ, которые скрывали дьявольское безумие за милыми речами и дружелюбными улыбками. Если подумать: когда я увидела себя в зеркале, я тоже казалась нормальной... так что лучше не судить о таких вещах без веских доказательств.

Два незнакомца пошатываясь шли по пустыне ко мне. Они были нагими, как в день своего появления на свет, но их кожу покрывала засохшая кровь, грязь и ещё более гадкие вещи, которые мне не хотелось представлять. Выпученные глаза, казалось, вот-вот вывалятся из орбит;

рты были раззявлены, но из них вырывалось только змеиное шипение. Что ж, если вы видите такое, требуется совсем иное благоразумие.

Я закинула руку за плечо и открыла сумку-тубус, где пряталась моя шпага. Пять дней назад я поклялась больше никогда не обнажать её, покуда жива. Это одна из причин, заставившая меня бежать в Семь Песков – я собиралась разбить клинок на семь частей и похоронить части так далеко друг от друга, чтобы даже лучший следопыт в мире не сумел их соединить.

Горячий пустынный ветер изменил направление. Окровавленные люди принялись, как пара охотничьих собак. Они склонили головы набок, словно впервые учуяли запах лисицы и понятия не имели, что с ней делать. Повинуясь непонятному инстинкту, они перестали преследовать мальчика и направились ко мне. Сперва люди двигались неуклюже, будто марионетки, запутавшиеся в верёвочках, и я ждала, что они вот-вот навернутся. Но с каждым шагом их босые, покрытые волдырями ноги переступали всё увереннее. Они бежали быстрее и быстрее, и по мере приближения их шипение превращалось в жуткий шёпот, объявлявший меня как пыльная буря.

Я вытащила шпагу из тубуса и соскользнула со спины коня. Знаю: я дала слово больше не совершать насилие – поклялась, когда кровь приёмной матери ещё не засохла на моих руках. Теперь я нарушу эту клятву.

Шёпот перешёл в вой, а вой превратился в визг. Бедный храбрый Квадлопо ускакал прочь, и я осталась один на один с судьбой, которую навлекли на меня неудачи и злые дела.

Два диких безумных существа, идущих сюда, наверное, были когда-то людьми со своими надеждами и мечтами. Теперь их пальцы скрючились, как когти. Они скалили зубы, которые, должно быть, так долго и сильно клацали друг о друга, что превратились в сломанные клыки. Где-то глубоко в их глотках за бешеными криками скрывались слова, которые я не могла и не хотела понимать. Слова, доказывающие, что в безумии есть своя поэзия...

Я крепче сжала рукоять шпаги и медленно вдохнула, готовясь к схватке и гадая, станут ли эти жуткие звуки элегией, которую я унесу с собой в могилу.

Меня зовут Фериус Перфекс. Мне семнадцать лет. В тот день я впервые услышала Алый Крик.

Арта эрес Защита

Искусство самозащиты – это иллюзия. Тейзан, который стремится защитить себя и других, овладевая навыками насилия, просто увековечивает и оправдывает то же насилие. У истинного аргоси нет врагов, он не даёт другим поводов для гнева. Суть нашего танца и нашего таланта не в том, чтобы сражаться в битвах, а в том, чтобы побеждать в каждой из них.

Глава 1

Танец

Крикуны набросились на меня с такой скоростью и свирепостью, что сразу стало ясно: шпага в моей руке несколько их не беспокоит. Не более, чем рваные раны, покрывающие их изуродованные тела. Если бы я потратила хоть миг, размышляя, что сделало этих людей такими – и, если бы я потратила хоть миг на панику, вздымавшуюся во мне, – от моего трупа не осталось бы ничего. Единственное, что сумел бы найти мой приёмный отец – несколько выбеленных костей, утонувших в песке пустыни.

Однако меня обучал навыкам защиты не кто-нибудь, а Дюррал Бурый. «Самый крутой танцор-аргоси, какого только видел мир». Во всяком случае, так утверждал он сам.

И сейчас Дюррал продолжал говорить – пусть даже я слышала его только в своей голове.
– *Арта эрес – это не драка, малыша. Речь идёт о победе.*

Я побежала назад, предоставив моим свирепым противникам преследовать меня, и наблюдала за ними. Я хотела понять, как они движутся.

– *Никто не сможет толком объяснить тебе, как победить противника. Кроме него самого. Просто дай ему шанс.*

Мужчина был рослым и худощавым, а женщина – невысокой и полной, но они атаковали одинаково. Оба просто пытались схватить меня руками, хотя вполне могли, вытянув шеи, вцепиться мне в горло обломанными заострёнными зубами. И никому из них не было дела до моей шпаги.

– *Хочешь кого-нибудь убить? Тогда сделай это, когда они спят. Так гораздо лучше. А иначе – выясни, как выглядит победа, прежде чем поднимать кулаки.*

Я не хотела убивать мужчину и женщину и надеялась этого избежать. Не исключено, что они были милейшими людьми, оказавшимися во власти чего-то, выходящего за рамки их понимания. Возможно, это болезнь, которую можно вылечить. Яд, чьё действие закончится через несколько часов или минут. Заклинание мага джен-теп, влияющее на их разум... Если бы я сумела их вырубить или связать, это оказалось бы оптимальным выходом для нас всех. Но сперва надо было понять, возможно ли такое вообще.

Я взмахнула шпагой и прочертила кончиком клинка по ладони женщины, слегка порезав её. Она никак не отреагировала и лишь продолжала шипеть и визжать.

Тогда я опустила свободную руку в карман пальто и сжала большим и указательным пальцами одну из шести стальных карт, которые я украла из оружейного шкафа в доме Дюррала. Короткое движение запястьем – и я отправила острую как бритва карту в полёт. Она завертелась в воздухе и застряла в зубах мужчины. Он тоже продолжал шипеть, сплёвывая кровь, но даже не попытался вытащить карту.

– *Только глупец пытается причинить боль противникам, думая, что если что-то ранит его самого, оно должно ранить и других. Боль – это не метод аргоси.*

Я ещё немного отступила, а потом поняла, что веду себя глупо – и просто пустилась наутёк.

– *Если ты будешь беспокоиться о том, как выглядишь, когда танцуешь, то быстро превратишься в изящный труп.*

Я слышала, что преследователи бегут за мной, набирая скорость. Преодолев несколько ярдов, я развернулась к ним и дёрнула плечом, сбросив на землю сумку-тубус, чтобы она не мешала мне двигаться. Я боялась, что если убегу далеко от нападающих, они плюнут на меня и вернуться к мальчику. Тот снова стоял на коленях и глядел на меня во все глаза, вероятно задаваясь вопросом, не брошу ли я его. Так или иначе, окровавленная парочка продолжала наступать на меня. Они атаковали как разъярённые безмозглые звери, но при этом совершенно

не мешали друг другу. У них, определённо, была какая-то соображаловка, а не только сила и неестественная выносливость.

– Сила – это иллюзия. Сильный человек силён лишь в определённых позициях и положениях. Если не можешь победить противника, встретившись с ним лицом к лицу, заставь его подставить тебе спину.

Я сдвинула ногу влево и оказалась на пути высокого мужчины. Как только он схватил меня, я упала на четвереньки и проскочила у него между ног, крепко сжав свою шпажку. Оказавшись сзади, я ударила его пяткой под колено. Мужчина согнулся и рухнул на правый бок. Но теперь женщина оказалась прямо за мной, и у меня не было времени подняться.

– Для каждого способа борьбы есть свой собственный танец. Овладеть арта эрес – значит, научиться находить этот танец, каким бы странным он ни был.

Я перевернулась на спину, чувствуя под собой тёплый гладкий песок. Когда женщина бросилась на меня, я подняла обе ноги на высоту её живота и выпрямила их. Разумеется, она продолжала приближаться, хватая руками воздух, и своим напором толкала меня вперёд, словно я была лопатой, которой женщина пыталась зачерпнуть пустыню.

– Второй важный урок арта эрес, малыша: не забудь посмеяться хотя бы разочек.

– Посмеяться, папуль?

– Ага. Ты многое узнаешь, наблюдая, как противники реагируют на смех. Возможно, они разозлятся и утратят бдительность. А может быть, поймут, как глупо было драться, посмеются вместе с тобой и выберут Путь Воды вместо насилия. Вот это будет настоящая победа.

– А что, если они не сделают ни того, ни другого? Мне продолжать смеяться?

– Конечно, малыша. Даже если тебя убьют, перед этим ты немного повеселишься.

И вот, я лежала на спине, а орущая безумная женщина пыталась дотянуться до меня когтистыми руками. И я смеялась – так громко, что почти заглушила её жуткие дикие вопли. Я по-прежнему сжимала шпагу, и кончик клинка вычерчивал на песке тонкую отчётливую линию. Я размышляла: если оставаться в таком положении достаточно долго, не привезёт ли меня женщина в конце концов обратно на юг, в дом, откуда я сбежала пять дней тому назад? И не получится ли из этого великолепная байка, которую можно всем рассказывать?

К сожалению, высокий мужчина поднялся на ноги и побежал за нами. Если ничего не предпринять, секунды через три он доберётся до меня...

– А какой самый важный урок, папуля?

– Что, малыша?

– Ты сказал, что смех – это второй важный урок арта эрес. Какой же первый?

Прошло полтора года с тех пор, как Дюррал начал обучать меня приёмам самозащиты аргоси, но я до сих пор помнила печаль в его глазах. Помнила, как он приподнял брови и страдальчески наморщил лоб. Казалось: размышляя над ответом, Дюррал испытал истинное отчаяние из-за несовершенства мира, в котором мы жили.

– Наступает момент, когда ты понимаешь, чем должен закончиться бой. Иногда это происходит сразу, а иногда нужно время, чтобы разобраться. Но как только ты поймёшь – следуй Путём Грома и наноси удары, без колебаний и без угрызений совести. Делай то, что должно быть сделано, Феррус.

Я согнула колени и упёрла левую руку в песок, сохраняя равновесие. Когда женщина ринулась вперёд, я снова вытянула ноги и откинулась на спину, так что собственная инерция моей противницы кинула её на меня. На миг она повисла в воздухе вверх ногами, а потом упала на голову. Хрустнула сломанная шея, и крики женщины затихли.

Вскочив на ноги, я сжала шпагу обеими руками и упёрлась пяткой в землю. Мужчина врезался в меня с такой силой, что, думаю, даже не заметил, как кончик шпаги вошёл ему в

раззявленный рот и вышел из затылка. Это должно было прикончить его, но ничего подобного не случилось.

Я растерялась, обнаружив, какую ужасную ошибку совершила. Я полагала, что если перелом шеи стал смертельным, то уж удар шпагой в голову тем более убьёт противника. Но человеческое тело – забавная штука. Есть истории о солдатах, которым втыкали кинжал в глаз, повредив мозг, а они продолжали драться.

Шпага выскользнула из глазницы и упала на песок. Я потянулась за ней, но она была слишком далеко. Безумец лежал на мне; он клацал зубами, стараясь дотянуться до моего горла, а когда не сумел достать – попытался откусить нос. Мне всегда нравилось иметь нос, поэтому я повернула голову и заёрзала, но никак не могла скинуть с себя тяжёлое тело.

Я высвободила руки и схватила мужчину пальцами за шею, сжимая изо всех сил. Безумец даже не попытался помешать этому – просто продолжал размахивать руками, царапая мне лицо. Всё это время он безостановочно кричал. Теперь я осознала, что в этом есть некая заикленность – как песня, которую он повторял снова и снова. Я не могла разобрать слов – по той причине, что у мужчины не было языка. Возможно, кто-то его отрезал – или безумец сам его отгрыз. Сказать было трудно.

В сущности, это не имело значения, поскольку мои руки начали слабеть. И впервые я увидела в глазах мужчины нечто похожее на радость. Всё, что осталось от его разума, жаждало увидеть, как я сдохну.

– И как быть, если ты понимаешь, что проиграл?

– Ну, разумеется, продолжать танцевать.

– Но ты сказал, что наступает момент, когда ты уже знаешь, чем закончится бой...

– Нет. Я сказал, что наступает момент, когда ты знаешь, чем он должен закончиться.

Есть разница.

Дюрралу нравились такие ситуации. Те, когда я думала, будто нашла изъян в его уроке, а он терпеливо и спокойно давал мне разумный ответ.

Что до меня? Мне они нравились отнюдь не так сильно.

– Есть шанс, что ты объяснишь мне, в чём разница? – спросила я.

– Жизнь непредсказуема, малышка. Ты кидаешь кости или вытягиваешь карту из колоды. Видишь, что дела плохи, но продолжаешь танцевать – до тех пор, пока мироздание не пошлёт тебе немного удачи.

Я так и делала – боролась всё упорнее, хотя понимала, что проигрываю. Я ударила мужчину лбом в переносицу, разбив ему нос. Он не обратил на это ни малейшего внимания. Я вертелась и извивалась – и ему приходилось прилагать усилия, чтобы не дать мне вырваться. Когда мои руки слишком устали, чтобы удерживать безумца, я расслабила их и заехала локтем мужчине в лицо. Он укусил меня, оставив в моём предплечье два зуба. Я заорала от боли, но всё-таки продолжала наносить удары, продолжала двигаться – как могла. Продолжала танцевать.

В итоге всё вернулось примерно к тому, с чего начиналось: я держала противника за горло, а он, используя свой вес и силу, пытался вонзить в меня обломки своих зубов. Мои пальцы, мокрые от пота, заскользили по его шее. Пришлось ослабить хватку. И в этот миг солнце померкло.

На долю секунды нас обоих окутала тьма. А потом я мельком увидела, как подкованное копыто врезалось в висок мужчины. Удар был настолько силён, что голова оторвалась. Я лежала, ещё держась за раздробленную нижнюю челюсть безумца, когда его тело рухнуло на меня, словно он уснул в моих объятиях.

Ужас и отвращение придали мне сил, и я, привстав, скинула его с себя. А потом плюхнулась обратно на песок и посмотрела в большие карие глаза Квадлопо.

Первое, что пришло мне в голову: «Где тебя носило так долго?!», но я этого не сказала. В конце концов, бедное животное вообще не хотело тут находиться.

– Хорошая лошадка, – прошептала я, чувствуя, как глаза закрываются, а сознание ускользает. – Хорошая лошадка...

Арта локвит Красноречие

Арта локвит – это не владение языком, потому что языком нельзя овладеть. Слова – это дикие лошади, чьи значения никогда не покоряются узде намерения. Не пытайся сломить их неукротимый дух, тейзан. Вместо этого слушай их, оседлай их, если они тебе позволят. Вот так аргоси становится... красноречивым на дорогах нашего мира.

Глава 2

Беседа

Мне снилось, что я скрежещу зубами, и ползучее безумие поднимается по горлу, готовое вырваться наружу, как яд плюющей змеи. Ужасное существо, которое когда-то было мной, по-прежнему держало в руке шпагу. И хотя здравомыслие давно покинуло меня, все движения были плавными и точными. Я выдвинула одну ногу вперёд, вытянула руку и сделала длинный выпад. Остриё моей шпаги проткнуло льняную рубашку, пронзило кожу и мышцы и, скользнув между рёбрами, глубоко вошло в...

Я проснулась от собственного крика. Инстинкты, отточенные ещё в детстве, полном страданий, и не исчезнувшие за те драгоценные восемнадцать месяцев, что я прожила с Дюрралом и Энной, заставили меня вскочить на ноги. Я выпрямилась и огляделась по сторонам. Реальность, из которой я ненадолго выпала, провалившись в сон, была прежней. Трупы мужчины и женщины лежали там, где я их оставила. Всё тело ныло от напряжения, болело от порезов и царапин, полученных в бою, но я не превратилась в визжащего монстра.

Квадлопо стоял в пятнадцати футах поодаль, видимо производя вскрытие останков высохшего коричневого кустарника, который мог стать обедом. Мальчик сидел на песке позади него, скрестив ноги и пристально глядя на меня.

– Привет, малыш, – сказала я. – Как жизнь?

Как жизнь? Привет, малыш?.. Я что, превращаюсь в Дюррала?

Мальчик ничего не ответил. Точно так же он не ответил, когда я спросила, как его зовут, откуда он родом и понимает ли меня вообще.

Возможно, ребёнок в шоке. Я не стала бы его за это винить.

Квадлопо издал громкое ржание, заставив меня подскочить на месте. Я упала на песок и поспешно схватила шпагу – липкую от крови мертвеца и приличного количества его мозгового вещества. Однако, поднявшись на ноги, я не заметила ни врагов, ни опасностей. Мальчик не сдвинулся даже на дюйм. Он вообще никак не отреагировал на ржание Квадлопо. Может, он глухой?

Я опустилась на колени и как следует вычистила лезвие шпаги песком. Благополучно вернув шпагу в тубус и закинув его обратно за спину, я разыскала стальную карту, которую запулила в рот безумца, и тоже оттерла от засохшей крови. Потом я долго разглядывала её в солнечном свете, дабы убедиться, что она не погнулась и не деформировалась от зубов мертвеца и металл по-прежнему идеально ровный. В таких вещах очень важен безупречный баланс.

Закончив, я подошла к Квадлопо и достала из седельной сумки немного хлеба и сыра. Затем я медленно, осторожно приблизилась к мальчику, ожидая, что он вскочит и попытается убежать. Ничего подобного не случилось.

– Хочешь есть? – спросила я, протянув ему хлеб и сыр.

Он взял и то, и другое. Некоторое время нюхал сыр, но в конце концов принялся жевать хлеб.

Я села перед ним, скрестив ноги и имитируя его позу, и попыталась поговорить с ним на нескольких языках. Почти никто уже не говорит на медекском – языке моего народа. Семь Песков граничат с Даромом, так что большинство людей в этих краях используют упрощённую версию дароменского. Большую часть своей жизни я была беженкой, скитавшейся в поисках приюта, и выучила чуть-чуть гитабрийского, чуть-чуть забанского и ровно столько джен-тепского, чтобы напоминать себе, как сильно я ненавижу их язык...

Ни одна из моих попыток не вызвала никакой реакции.

Ещё через несколько минут мальчик вернул мне хлеб. Когда я взяла его, он постучал пальцем по грязной синей тунике – над сердцем, а потом по животу. Это что-то вроде языка

жестов? Я задумалась. На континенте существовало несколько «немых» языков, однако большинство из них были довольно примитивны. Один такой изучают дароменские солдаты, чтобы общаться друг с другом, когда оказываются на вражеской территории и не должны выдать своё присутствие. Свой язык жестов есть и у профессиональных воров – лёгкие движения пальцами, которые вообще не заметишь, если не знаешь, куда смотреть. Они используют его, например, чтобы подать напарнику сигнал, что пора действовать, пока первый вор отвлекает внимание.

Более сложные языки жестов встречаются редко. Единственный, о котором я слышала, был создан орденом монахов, давших обет молчания... Я оглянулась на мертвецов. Могли ли они быть монахами, каким-то образом доведёнными до безумия? И что вообще мог делать в монастыре ребёнок, слишком маленький, чтобы стать послушником?

Я повернулась к мальчику и снова протянула ему сыр. Он опять отказался. Я предложила сыр в третий раз, потом в четвёртый. В итоге он расстроился и постучал указательным пальцем по центру груди, потом дважды по губам, а в конце сложил крест-накрест указательные пальцы обеих рук.

Ладно. Центр груди должен означать «я». Губы значат «говорить» или, в данном случае, двойное касание – «сказал». А скрещенные пальцы – это «нет».

Я кивнула, показывая, что поняла сообщение. Потом ткнула указательным пальцем в его сторону, один раз прикоснулась к губам и коснулась центра груди. Он внимательно наблюдал, но ничего не сделал, поэтому я попробовала ещё раз. Его глаза сузились, но наконец он повернул левую руку ладонью вверх, правой начертил на ней круг, а потом вопросительно развёл руки в стороны.

«О чём? Ты об этом спрашиваешь?»

Я подтвердила, дважды коснувшись губ, потом повторила его жест, нарисовав на ладони круг, и указала на него.

Мальчик на секунду поджал губы, затем постучал себя по груди и коротко пошевелил пальцами. Это движение я истолковала как «быть» либо «жить» – или что-то в подобном роде. Далее последовала серия жестов пальцами, слишком быстрых, чтобы я могла за ними уследить. Я не знала, как донести до него мысль, что нужно повторить всё заново, поэтому просто скопировала его движения – разумеется, это вышло неуклюже и уродливо. Паренёк уставился на меня как на идиотку, но через пару секунд действительно повторил. Я заставила мальчика сделать то же самое в третий раз, а потом – к его величайшему изумлению – в точности воспроизвела его имя.

Арта локвит – это искусство красноречия аргоси. И дело тут вовсе не в изучении множества языков, а в понимании того, что пытаются сказать другие люди, и каким образом они это говорят.

Из всех талантов аргоси этот был единственным, в котором Дюрал – как он сам признался – не особенно поднаторел. И даже Энна, которая хороша во всём, утверждала, что так и не овладела им.

Я? Возможно, дело в том, что я медек. Мы бродили по миру, умоляя о помощи любого, кто мог её оказать. От этого зависело наше выживание. И это значило – научиться различать любые едва уловимые сигналы. От: «Может быть, поможем этому грязному ребёнку?» до: «Эй, знаешь, что было бы весело? Вздёрнуть вонючего медека на крепкой верёвке».

Так или иначе, арта локвит давалась мне гораздо легче, чем остальные искусства. В конце концов, всё дело в том, чтобы слушать. Слушать ушами, глазами и – прежде всего – сердцем.

– Расскажи мне побольше о себе, – жестами сказала я мальчику.

Я не слишком верно передала слово «побольше», но он понял, что я имела в виду, и показал мне правильный знак. Нужно было быстро постучать по предплечью сперва одним пальцем, потом двумя, а затем тремя.

Солнце совершало свой ежедневный путь по небу – от утра к вечеру, – а я приставала к мальчишке, который плохо формулировал вопросы, заставляла его делать всё новые жесты и постепенно улавливала больше и больше информации. Теперь я была уверена, что это язык пальцев, каким пользуются монахи.

К тому времени, когда взошла луна, я уже понимала большую часть того, что говорит мальчик, и могла отвечать ему короткими корявыми фразами.

– Ты назовёшь мне своё имя? – спросил он.

Я до сих пор не вполне разобралась, как жесты передают нюансы грамматики. Поскольку слово «Фериус» ничего для него не значило, я изо всех сил старалась использовать известные мне знаки, чтобы ответить как можно точнее. Он заставил меня повторить имя три раза, а потом рассмеялся.

Смех оказался очень приятным, почти мелодичным, и я задумалась: вправду ли парень глухой и был ли таким всегда.

– Что... – Я не знала, как будет «смешно», поэтому просто изобразила смех, а потом прибавила: – В моём имени?

Нам потребовалось почти полчаса, прежде чем он растолковал мне, что знаки, которые я использовала, обозначают «добрая собака». Действительно, забавно, учитывая, у кого я украла своё имя.

Имя мальчика, как выяснилось, означало «синяя птица». Он сумел объяснить мне это, поскольку его грязная и рваная туника когда-то была синей, а изобразить птицу довольно легко.

Есть особый вид выюрка с перьями цвета индиго, который называется «бинто». Учёные изучают его, поскольку он поёт, только когда вокруг нет других существ и выюрок чувствует себя в полной безопасности. Так что я воспользовалась знаком, который показал мне мальчик, но про себя решила называть его Бинто. Это имя ему подходило. Вдобавок, я надеялась, что он всё-таки не глухонемой, а просто ждёт подходящего времени, чтобы поговорить нормально.

– У тебя есть мать? – спросила я.

К этому времени я уже выяснила, что существуют крохотные различия в жестах, обозначающих «есть», «было» и «будет».

Бинто ответил:

– Она ушла в...

Последний жест я не поняла. Потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, что он означает «объятия богов».

– А где твой отец? – спросила я затем.

Мальчик поднялся на ноги и прошёл мимо меня. Я последовала за ним – к мертвецу.

Бинто указал на труп и сообщил:

– Ты убила его.

Глава 3

Изучение языка

Квадлопо шёл медленным, но уверенным шагом. Переступая копытами, он покрывал милю за милей.

Мы как сумели похоронили тела в песке. Без лопаты это была непростая работа, и я не знала, могу ли позволить себе тратить время впустую. С другой стороны, если проклятие (или болезнь, или заклинание), которое свело тех мужчину и женщину с ума, было заразным, их, вероятно, не стоило оставлять под открытым небом, чтобы никто другой не наткнулся на трупы. Впрочем, хотя безумцы подобралась ко мне очень близко, я вроде как не рехнулась; да и мальчик, казалось, не беспокоился, что я превращусь в монстра с окровавленным языком. Возможно, эта инфекция не передавалась через прикосновение.

Я должна была отвезти мальчика в безопасное место. Куда-нибудь, где есть целительница или мудрая женщина, которая осмотрит Бинто и убедится, что у него нет никаких признаков подступающего безумия. Куда-нибудь, где я могла бы его оставить, не задаваясь потом вопросом: не обрекла ли я ребёнка на такое же гадкое детство, какое выпало мне.

В ту ночь луна светила ярко, и никто из нас не хотел оставаться в этом проклятом месте дольше, чем было необходимо. Мы отправились на север – к городку, который, как уверял Бинто, назывался просто «городок».

Воспоминания мальчика были разрозненными, а мои познания в безмолвном языке – пока невелики. Тем не менее, я уяснила, что последние четыре дня он провёл, убегая от своего отца и женщины, которая была вроде как его любовницей.

– Любовница – это не то слово, которое мы используем в монастыре, – поправил меня Бинто, когда я спросила, нормально ли для монаха иметь любовницу. – Госпожа Сурчиха...

Вероятно, это было не её настоящее имя, но именно так выглядели знаки, которые Бинто использовал, говоря о ней.

– Госпожа Сурчиха была духовной спутницей моего отца. Она жила с ним и помогала переводить священные книги в монастырской библиотеке.

Мальчик сидел лицом ко мне на передней части седла – только так мы могли разговаривать во время езды. Я заметила, что Бинто не очень любит, когда к нему прикасаются, предпочитая всегда сохранять между нами небольшую дистанцию, и делала всё возможное, чтобы уважить его желание.

Квадлопо спокойно шагал по северной дороге, и им не особо-то нужно было управлять, поэтому мы проводили долгие часы за разговорами. У меня болели пальцы, а мозг изнемогал от попыток уловить всё больше и больше знаков и их бесчисленных вариаций.

– Ты очень быстро учишься безмолвной речи, – сообщил Бинто, когда мне удалось задать вопрос, используя несколько времён глагола.

Похвала застигла меня врасплох. Я задумалась: стали бы Дюррал и Энна гордиться мной за такие успехи в арта локвит. Но подобные размышления повели меня теми путями, которыми я не готова была идти.

– Спасибо, – жестом ответила я Бинто. – А теперь не скажешь ли м...

Удивительно легко перебить собеседника, когда разговариваешь с помощью пальцев.

– Ты учёный? Изучаешь языки? – спросил он.

– Нет. Но мои наставники считают, что всякий человек, который много странствует, должен уметь говорить так, как это делают другие.

– А ты много путешествуешь? Ты торговец? Солдат? Священнослужительница?

Я заметила, что, перебирает кучу слов всякий раз, когда мы пытались найти термин, чтобы описать нечто новое. Если б я не остановила его, он мог бы продолжать целую вечность.

– Ничего из этого, – ответила я. – Такого слова ты не знаешь.

Бинто нахмурился.

– Объясни.

Это было нелегко. Как описать ему аргоси?

– Я ученица. Обучаюсь, чтобы стать тем, кто может бродить по всему миру и многое понимать. Тем, кто может защитить себя и других, если это необходимо, но предпочитает решить дело миром. Тем, кто...

Он покачал головой:

– В этом нет никакого смысла. Хоть каким-нибудь словом объясни, кто ты такая.

Так уж был устроен его разум. Всякий раз, когда я пыталась ему что-то растолковать, Бинто сперва хотел получить какой-нибудь определённый знак, передающий это понятие. Если готового знака не было, Бинто требовал, чтобы я изобрела его, используя сколько угодно жестов.

«Удачи тебе с этим, малыш», – подумала я.

– Я учусь, чтобы стать... картёжником-картографом-воином-дипломатом.

Бинто некоторое время раздумывал. Он делал жесты, означающие части слов, но не закончив одно переходил к следующему. Видимо, это являлось неким эквивалентом бормотания. Наконец он щёлкнул пальцами и глянул на меня широко раскрытыми глазами – как я поняла, это был знак привлечения внимания и одновременно изумления.

– Так ты...

Он выпалил четыре фразы одну за другой, так быстро, что я не успела уследить. Пришлось попросить Бинто повторить помедленнее. Он повторил, но по-прежнему слишком быстро для меня.

– Скажи это так, как говорил бы очень маленькому ребёнку, – посоветовала я.

Теперь Бинто выписывал знаки медленно и очень тщательно.

– Ты ходок по воде. Последователь ветра. Нож молнии. Стена из камня.

От изумления я чуть не выпала из седла. То, что изобразил Бинто, было удивительно похоже на четыре Пути аргоси – Путь Воды, Путь Ветра, Путь Грома и Путь Камня.

– Ты знаешь о нас?

– Да. Мой отец изучал старую книгу, в которой описывалось учение таких людей. Это было до того, как он... изменился.

Я ничего не понимала. Во-первых, Дюррал и Энна объясняли мне, что о Путиях аргоси нигде не написано. Не существовало какого-то одного метода обучения искусствам, и поэтому каждый маэтри должен был сам найти правильный способ передать знания своему теизану. И, что ещё более важно: какая могла быть связь между подобной книгой и безумием отца мальчика?

– Бинто, что это за книга, которую твой отец...

– Произнеси название того, что ты есть, – сказал он, поднеся указательный и средний пальцы к моим губам.

Иногда он делал так, прося произнести слово вслух. Он прижимал пальцы к моим губам, чтобы почувствовать его форму и вибрации.

– Ар-го-си.

– Ещё раз, – скомандовал он. – Более злобно.

«Более злобно» – это, я думаю, был его способ сказать: «громче», потому что он ассоциировал большую громкость с эмоциональностью людей.

– АР-ГО-СИ, – проорала я так, что Квадлопо встревоженно заржал.

Я успокаивающе похлопала коня по шее. Он фыркнул, таким образом сообщив мне, что больше не надо на него кричать. Большое спасибо за понимание.

Бинто издал несколько коротких гудящих звуков, которые были совсем не похожи на слово «аргоси», но, казалось, вполне его удовлетворили. Он повторил трёхсложное гудение.

– Мне нравится это слово. Похоже на то, что оно описывает.

– Рада, что тебе понравилось. А теперь Расскажи мне о...

– Чему ты учишься у своих наставников? Сражаться? Так, как ты сражалась, когда убила отца и его подругу?

– Это было не... Да. Один из навыков называется...

Я поразмыслила, как правильно описать арта эрес, и наконец остановилась на «боевом танце».

– Значит, ты воительница.

– Нет. Боевые танцы – это лишь малая часть того, чему мы учимся. Есть семь талантов...

Я довольно коряво изобразила сложную последовательность жестов, обозначающих «аргоси».

– Назови мне эти семь талантов.

Ну вот, новое дело! До сих пор я вела себя с мальчиком осторожно. По личному опыту я знаю, что напускное спокойствие и незаинтересованность в травмирующих событиях могут быть маской, которую опасно снимать. Но мне нужно было выяснить, что случилось в монастыре, а Бинто до сих пор не дал мне ничего, кроме смутных намёков.

– Я расскажу тебе об одном из семи талантов, – сказала я. – Он называется... слышать-то-что-не-сказано-и-видеть-то-чего-там-нет.

Ладно, согласна, это не самое точное описание арта превис, но я делала всё, что могла, изъясняясь на чужом языке.

– Расскажи мне, – попросил Бинто.

– Благодаря этому навыку мы узнаём, что порой, если кто-то проявляет к тебе большой интерес, на самом деле, возможно, это не так.

Бинто поджал губы.

– То есть он лжёт?

– Не лжёт. Он задаёт тебе вопросы, чтобы избежать ответов на твои.

Я, вероятно, что-то напутала. Я не знала точно, чем отличается «избежать» от «бежать» или «уклоняться». Тем не менее, мальчик понял, что я имею в виду.

– Меня зовут Бинто, – сказал он. Хотя, разумеется, он использовал жесты, обозначающие «синяя птица». У меня вошло в привычку мысленно составлять фразы из его знаков и движений. – Мне девять лет.

– Я не понимаю...

Он сделал короткий и резкий взмах, что значило одновременно «прекрати» и «замолчи».

Я согласно кивнула.

Несколько секунд Бинто смотрел на меня, а потом продолжил:

– Четыре дня и много миль я был храбр. Я делаю это, оставаясь здесь. Не там.

– Там?

– В прошлом времени. В том, что случилось. Если я буду жить здесь, сейчас, на песке, под луной, думая только о следующем шаге, я смогу быть храбрым. Если я мысленно вернусь в прошлое, я больше не буду храбрым. Понимаешь?

«Лучше, чем ты можешь себе представить, малыш», – подумала я. И кивнула.

– Если я не буду храбрым, то не смогу выжить, – продолжал Бинто.

Несколько мгновений он колебался, начиная составлять разные фигуры, но не заканчивая их. Наконец я взяла его дрожащие пальцы в свои и свободной рукой сказала:

– Я буду храброй ради тебя. Пока ты не сможешь снова стать храбрым ради себя.

Бинто довольно долго смотрел на меня снизу вверх – и это было для него необычно. В основном он озирался по сторонам или сосредотачивался на моих руках, стараясь уяснить, что

я говорю. Но теперь он выдержал пристальный взгляд, будто пытаюсь понять, что ему могут сказать мои глаза. И словно прорвалась плотина, слишком долго удерживающая воды реки. Слёзы хлынули у него из глаз, а из горла вырвался вопль, прозвучавший для меня диссонансом, но в то же время показавшийся очень знакомым. Он рассказывал о боли – так красноречиво, как не смог бы поведать ни один язык.

До сих пор я старалась не прикасаться к Бинто, видя, что ему это неприятно, но теперь взяла мальчика пальцами за подбородок и приподняла его голову, чтобы он увидел то, что я собиралась сказать.

– Можно я тебя обниму?

Рыдания всё ещё сотрясали Бинто, а из глаз катились слёзы. Дрожащими пальцами он сказал:

– Если я позволю тебя обнять, ты будешь смеяться?

Я смутилась.

– Конечно же, я не буду смеяться над тобой, Бинто.

Он покачал головой и ответил:

– Но я хочу, чтобы ты посмеялась. Пожалуйста, обними меня и смейся, чтобы я чувствовал это, а не то, что сейчас.

Я ещё колебалась. Однако есть одна вещь, которую узнаёшь, изучая арта локвит: каждый из нас несёт в себе собственный язык, более глубокий, чем слова, и иногда нам надо научиться говорить на языке другого.

Вот поэтому я заключила Бинто в объятия и крепко прижала его к себе. Я мысленно вернулась к Дюрралу и Энне – и к дому, в котором провела последние полтора года. Пока Квадлопо уверенно и ободряюще топал по золотому песку, я вспоминала – один за другим – все моменты радости, счастья и веселья, не исключая и последний, после которого всё развалилось. И я не просто рассмеялась – я захохотала. Так сильно и громко, как только могла, не обращая внимания на раздражённое фырканье коня. И я продолжала, пока этот смех не заглушил рыдания Бинто.

Мало-помалу мальчик успокоился. Он отодвинулся, чтобы я могла видеть его руки, и рассказал свою историю.

Что было после? После мне самой захотелось, чтобы кто-нибудь обнял меня и смехом прогнал прочь мои страхи.

Глава 4

ИСТОРИЯ БИНТО

Меня зовут Бинто. Мне девять лет. Я выгляжу маленьким для своего возраста.

Я родился в монастыре Сад-Без-Цветов. Да, так он называется. Не перебивай.

Монахи в Саду-Без-Цветов не произносят ни слова вслух. Они верят, что слова – это священные семена, которые могут прорасти опасным образом, если за ними не следить со всем тщанием. Нет, это не похоже на магию людей в шелковых мантиях. И перестань меня перебивать.

Мой отец был очень высокопоставленным монахом. Он следил за библиотекой особых книг. Их дозволено читать только тем, кто умеет молчать. Да, многие в монастыре не разговаривают, но это не то же самое, что молчать.

Много лет назад отец встретил женщину, которая жила в городке возле монастыря, и они занимались сексом... Почему ты смеёшься? Нет, жест не смешной. Жест как жест, ничего особенного.

Они много раз занимались сексом, и в конце концов родился я. В монастыре Сад-Без-Цветов нет закона, запрещающего заниматься сексом, потому что секс... Прекрати ржать! В союзе мужчина и женщина обретают священную мудрость, которую не найдёшь в книгах и которую нельзя познать в одиночку. Так сказал отец.

Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. Я не знаю, что с ней случилось. Отец не мог говорить о ней без слёз, и поэтому мы никогда не обсуждали мою мать. Госпожа Сурчиха любила меня. Она обещала рассказать правду, когда мне исполнится десять лет. Но ещё не исполнилось, а ты сломала госпоже Сурчихе шею, так что я никогда не узнаю... Ты корчишь рожу. Почему? Тогда перестань. Это очень отвлекает. И если моя история заставляет тебя делать такое лицо, то я не буду продолжать... Ладно уж. Но я тебя предупредил.

Когда я был совсем маленьким, я мог издавать звуки ртом, как это делаешь ты. И мог слышать звуки, которые издавали другие. Но когда я стал старше, звуки сделались тише, и теперь всё, что я слышу, это... ну вот что-то такое... как будто ткань трётся о ткань. Тебе слышно? А я так слышу всегда. Ты опять корчишь рожу! Тут нет ничего плохого, мне нравится этот звук. А знаки я умею делать лучше всех, кто живёт в монастыре... точнее, жил. Что? А, сколько их? Их было тридцать семь, пока мой отец и госпожа Сурчиха...

Неделю назад в монастырь приехала гостья. Она разговаривала там со многими монахами и знала безмолвную речь. Не идеально, но так же хорошо, как ты, Добрая Собака. Что? Ты ж сама сказала, что тебя зовут Добрая Собака. Нет, я не ошибся. Добрая Собака – это имя, которым ты мне представилась. Поэтому теперь я так и буду тебя называть.

Я почти не видел ту гостью, но знаю, что она задавала много вопросов о книгах. В этом нет ничего необычного. Из разных стран часто приезжают учёные, и все просят посмотреть наши книги. Мой отец этого не позволяет. Однако той женщине, выучившей безмолвную речь, разрешили посетить библиотеку. Госпожа Сурчиха сказала, что всё в порядке, потому что гостья не просила показать священные книги. Её интересовали в основном песни и стихи. Теперь я задаюсь вопросом, как подобные книги вообще оказались в нашей библиотеке. Библиотека Сада-Без-Цветов очень важна, и там хранятся только самые ценные тексты.

На следующее утро, когда гостья уехала, в монастыре поднялась суматоха. Оказалось, она украла две книги. Да, это были не священные тексты, но всё равно... Она обворовала нашу библиотеку.

Многие монахи очень расстроились, но отец сказал, что всё не так уж плохо. Гостья оставила несколько страниц своих заметок, в которых, по его словам, было много интересного. В тот же день он отправился в скрипторий, чтобы скопировать эти записи и привести их в надле-

жащий вид. У той женщины был плохой почерк, а в Саду-Без-Цветов мы привыкли всё делать хорошо... Что? Нет, отец не сказал, что было в тех заметках. Мне девять лет. С какой стати он стал бы мне рассказывать?

В тот вечер отец допоздна засиделся за работой. Госпожа Сурчиха сказала: это потому, что записи были на разных языках и требовалось время, чтобы их разобрать. Она уложила меня в постель, а потом пошла помогать отцу. Она очень хорошо подбирает слова, а мой отец иногда бывает небрежен.

Когда солнце разбудило меня, отец ещё не вернулся из скриптория. А мы всегда завтракаем вместе. Завтрак важен. И обязательно нужно улыбаться человеку, с которым делишь трапезу.

Я пошёл на кухню и попросил хлеба, яиц, ветчины и джема – это еда, которую любит мой отец. Я отнёс их в большой каменный дом, где находится скрипторий и другие важные помещения. Сначала я не понимал, что происходит. Там был ужасный шум. Некоторые монахи рассердились, потому что мой отец болтал без умолку, а в монастыре никто не должен этого делать. Но отец не прекращал, и вскоре начал издавать слова-с-музыкой... Погоди. Я где-то встречал такое слово. Пение. Да. Он запел.

Я, конечно, сам не мог услышать этого ушами, но другие монахи рассказали. Они очень расстроились. И некоторые начали испускать изо рта сердитые звуки, а их лица выглядели как морды злых собак, скалящих зубы. Многие пытались засунуть пальцы в уши, но потом они... расцарапали себе уши до крови.

Я уронил поднос с хлебом, яйцами, ветчиной и джемом. Я устроил большой беспорядок, потому что тарелки, миски и стаканы разбились об пол.

Мой отец продолжал петь. Потом госпожа Сурчиха тоже запела. А затем и другие монахи. Они начали улыбаться и петь. Все, кроме меня. Я спрятался в шкафу, а они пели и пели. Весь день и всю ночь. Они стали кашлять. Я думаю, потому что пели слишком долго. И когда они больше не могли петь... Первым перестал мой отец. Он продолжал шевелить ртом, но я понимал, что отец уже не в состоянии произнести ни слова, потому что откусил себе язык. Из рта у него потекла кровь. Это его очень разозлило, поэтому отец взял медный подсвечник и размозил голову ближайшему монаху. Он разбивал головы одну за другой – даже тем монахам, которые ещё пели.

Отец хотел проломить череп и госпоже Сурчихе. Она тоже не могла произносить слова, у неё не было языка и изо рта лилась кровь. Но потом они начали издавать какие-то звуки. Не такие, как раньше. И они больше не пытались причинить боль друг другу, а вместо этого стали убивать других монахов, всех подряд.

Монахи пытались убежать, но отец и госпожа Сурчиха двигались очень быстро. И когда монахов больше не осталось, отец обернулся и увидел меня – потому что дверца шкафа была приоткрыта. Он... Мой отец больше не любил меня. И госпожа Сурчиха тоже не любила. Они пытались говорить мне что-то через рот, как будто забыли, что я не вижу ушами. Они рассердились – как рассердились на тебя, когда увидели в пустыне.

Мой отец никогда раньше не сердился на меня. Даже когда я медленно усваивал уроки. Даже когда я был неуклюжим и ронял вещи. Но теперь он посмотрел на меня и... Нет, пока не обнимай меня. Я хочу закончить.

В проходе за монастырской кухней есть узкий жёлоб, ведущий в подвал, где течёт ручей. Тут монахи стирают одежду. Я побежал туда и съехал вниз по жёлобу. Отец и госпожа Сурчиха хотели погнаться за мной, но они слишком большие и не пролезли.

Оказавшись в подвале, я побежал вдоль ручья, к отверстию, которое ведёт наружу. И потом я долго бежал, очень долго, пока не устал, и больше бежать уже не мог. Когда я проснулся, я был растерян и не знал, что делать. Я двигался не в том направлении. Мне сле-

довало пойти в городок за помощью, но я побежал в пустыню. Нет, я не был храбрым. Я не пытался защитить горожан от моего отца. Я просто был в замешательстве.

Я оглядывался по сторонам, ища кого-нибудь, чтобы позвать на помощь. Я увидел двух человек и помахал им рукой. Я боялся, что они не знают безмолвную речь и я не смогу им объяснить, что произошло. Но, как оказалось, я зря беспокоился, потому что это были мой отец и госпожа Сурчиха. В тот раз они едва меня не поймали.

Как мне удалось сбежать? Я не знаю. Отец подошёл очень близко. Он двигался невероятно быстро. Я невольно издал звук ртом, и он... Этот звук причинил боль ему и госпоже Сурчихе. Я снова убежал. И бежал, и бежал. Что? Откуда мне знать, какой звук я издал. Ты забыла, что я не могу видеть ушами? Да, я знаю: правильное слово «слышать». Я просто забыл, ладно?

И хватит мне талдычить, что я должен вспомнить тот звук. Не важно, помню я его или нет. Мой отец мёртв. Госпожа Сурчиха мертва. Монахи мертвы. Я рассказал тебе свою историю. Сейчас я хочу поехать в городок, где ты найдёшь для меня хорошего человека. Который даст мне еду и постель. Я буду работать, так усердно, как только смогу, и никому не доставлю проблем. Ты расскажешь им мою историю, потому что я сам не хочу рассказывать её снова. Больше никогда. Я хочу забыть.

Арта туко Смекалка

Тейзаны наблюдают, как умело их маэтри ориентируются в мире, и думают: это потому, что они знают, как тут всё устроено. Тейзаны ошибаются.

Мир всё время меняется, и истинный аргоси не может полагаться на карты, нарисованные чужой рукой. Вместо этого мы приходим в каждое новое событие как в неизведанную страну – и рисуем карты сами.

Глава 5

Городок

После рассказа Бинто я воображала сотни ужасов, поджидающих нас за каждым углом. К счастью, углов в пустыне не так уж много. В основном она состоит из перемежающихся участков песка и кустарника; впереди виднеются горы, которые будто бы вообще не приближаются, а ещё тут изредка встречаются городки и деревушки, едва ли заслуживающие название.

Тинто-Рея – или, как называл её мальчик, «городок» – была одним из таких мест.

– Ты уверен, что здесь безопасно? – спросила я.

Бинто уставился на меня и постучал по уху.

– Прости, – ответила я жестом.

За последние два дня езды, когда нам нечем было заняться, кроме как выделять замысловатые движения пальцами, я привыкла к языку Бинто и порой забывала, что он меня не слышит, если говорить вслух. Я недоумевала, почему он до сих пор не научился читать по губам. Но когда я подняла эту тему, Бинто пожал плечами и сообщил, что никто в монастыре Сад-Без-Цветов не издаёт звуки ртом, посему в этом не было смысла.

Ему придётся научиться, если он намерен жить среди обычных людей. Ну, при условии, что в Тинто-Рее ещё остались какие-нибудь обычные люди.

– Я пойду вперёд и проверю, безопасно ли в городе, – жестами объяснила я мальчику. – А ты побудешь здесь вместе с конём, ладно? Он пугается, когда остаётся совсем один.

Думаю, Бинто решил, что я нянчусь с ним, потому что в ответ изобразил довольно резкий жест, подняв два пальца. Этот знак я раньше не видела, но он не требовал перевода.

Сумерки опустились на азуристые пески, которые придавали всему в этих краях переливчатый голубоватый блеск. Мы были примерно в полумиле от городка. Достаточно далеко, чтобы Бинто и Квадлопо никому не попались на глаза. Достаточно близко, чтобы броситься назад, схватить мальчика, прыгнуть в седло и сбежать, если дела пойдут плохо.

В тот момент мне было трудно представить какой-нибудь благополучный исход мероприятия. Насколько я поняла из наших бесед, сам монастырь находился в паре миль к востоку от городка. Учитывая, что отец Бинто и госпожа Сурчиха убили всех монахов, а потом шли по следу мальчика, не было особых причин думать, что жители городка заражены. И всё же я не могла избавиться от картины, стоявшей перед глазами: высокий стройный мужчина и низкорослая полноватая женщина, перемазанные кровью убитых ими людей. Они скрежетали зубами. Они шипели и пытались выдать из глоток слова, которые не могли произнести, лишившись языков... Давайте просто скажем, что я решила проявить осторожность.

Я достала из тубуса шпагу и принялась готовить её к предстоящей миссии. Бинто похлопал меня по руке, чтобы привлечь внимание.

– Что это? – спросил он.

Я как раз откупила небольшую баночку и вылила на тряпку примерно столовую ложку чёрной жижи. Затем я растёрла маслянистую кашицу по лезвию шпаги. Смесь состояла из корня валерианы, муки и липкой смолы, которую получаешь, хорошенько выварив серый кактус. Объедините всё это в правильных количествах – и получите вещество, которое воры называют «зачернитель». Если нанести его на блестящий кусок стали, произойдёт именно то, о чём вы подумали.

– Это скроет мою шпагу от посторонних глаз, – объяснила я, покончив с первым слоем.

Бинто бросил на меня недоверчивый взгляд.

– Если жители городка заразились, шпага не поможет.

Он был прав, но молодую женщину, которая идёт одна в незнакомое место, подстерегают и другие опасности, помимо монстров. Впрочем, я решила не развивать эту тему.

Пока подсыхал второй слой, я проверила края и баланс всех моих шести стальных карт.
– Что это такое? – спросил Бинто.

Как и во многих других случаях, когда я разговаривала с мальчиком, сейчас требовалось придумать термин, имеющий для него смысл. Нечто примитивное, вроде «оружие» или даже «метательные карты», лишь разозлило бы Бинто. Ему нравились названия, которые описывали не только основные функции.

Дюррал в шутку называл эти карты «любовными письмами», подразумевая, что они передают послание, но я боялась, что Бинто не оценит юмор.

Энна назвала их просто «острые карты», но опять же – это слишком примитивно. Бинто решит, что я просто пытаюсь отмахнуться от его вопроса.

Я развернула шесть карт веером, так что они блеснули в угасающем свете дня. Я восхищалась их гладкостью; мне нравилось то, что карты обязательно нужно держать правильно – иначе они выскользнут из твоих пальцев. Обращаться с картами не так-то просто. Вдобавок, существует много разного другого метательного оружия, более мощного и смертоносного. Но когда вы бросаете карту правильно – идеальный щелчок пальцами, движение запястья и разгибание локтя – это может произвести большое впечатление.

– Ты когда-нибудь видел белкокота? – спросила я мальчика.

Он покачал головой и поднёс палец к губам, прервав мои объяснения. Бинто иногда так делал. Он знал что-то под другим названием, но затем сопоставлял характеристики того, что было одновременно белкой и кошкой – и прикидывал, о чём может идти речь.

– Летающий-рычащий-кусачий вор? – изобразил он жестами.

Я усмехнулась. Не худшее описание белкокота.

– Да, – ответила я.

Потом я взяла одну из карт. С запада дул неплохой ветерок, и я подбросила карту в воздух, под углом, как это делал Дюррал, когда выпендривался. Карта взлетела и покружилась пару секунд, затем встречный ветер подхватил её и быстро принёс обратно. Я аккуратно поймала карту большим и указательным пальцами. Дюррал гордился бы мной – если бы не был слишком занят, пытаясь свернуть мне шею.

– Мне это не кажется опасным, – сказал Бинто.

Он притронулся к краю карты, но тут же отдернул руку и пососал кровоточащий палец.

– Больно! – изобразил он второй рукой.

– У белкокошек острые зубы, – ответила я, возвращая карту к остальным. – И они путешествуют стаями.

Я проверила лезвие шпаги. Оно уже высохло, и я засунула клинок обратно в тубус.

– А как насчёт твоего лица и рук? – спросил Бинто. – Их тоже легко разглядеть в темноте.

Я с трудом удержалась от смеха. Точно такой же вопрос я первым делом задала вора из банды «Чёрного галеона», когда они показали мне, как использовать зачернитель.

– Если я намажу этой штукой лицо, горожане точно решат, что я явилась с дурными намерениями.

Прежде чем Бинто успел засыпать меня новыми вопросами, я закинула сумку-тубус за спину и положила метательные карты в карман своего кожаного пальто. Похлопав угрюмого Квадлопо по шее и тем самым заверив его, что скоро вернусь, я трусцой побежала в сторону городка.

Я потратила несколько следующих драгоценных минут, готовясь к тому, с чем могла столкнуться. Для этого я включила свою арта туко – смекалку аргоси и талант к стратегическому мышлению.

– *Мудрый странник никогда не входит в комнату, ежели не знает, как оттуда выйти*, – любил говаривать Дюррал. – *Всегда должен быть план на такой случай. А лучшие бы десяток.*

– *И как же ты выберешь один план из десятка, когда настанет время выходить?*

– Не важно, малыша. Вот первое, чему ты научишься, бродя по длинным дорогам: планы подобны молитвам. Полезны для души, но не стоит на них особенно рассчитывать.

Это было очень типично для моего приёмного отца – навязывать мне запутанные и противоречивые аксиомы, ожидая, когда я сама пойму, что они значат.

У Энны – моей приёмной матери – был другой подход к обучению обычаям аргоси. После того как Дюррал улёгся спать, она разъяснила мне этот парадокс.

– Цель арта туко – настроить разум так, чтобы он воспринимал возможности, а не вероятности. Перейти от ожидания к предвкушению.

Да, она оказалась не намного полезнее Дюррала в этом плане.

Однако, в конце концов я кое-что поняла. Смысл постоянной разработки планов в том, чтобы это происходило инстинктивно. Каждый раз, влипая в неприятности, вы изобретаете кучу схем для того, чтобы отвлечь противников или отключить ловушки. Если вы долго практиковались – я имею в виду: действительно долго, – ваши мысли ускоряются. Они теперь не текут плавно, а мчатся стремительным галопом. И когда вы окажетесь в гипотетической комнате, упомянутой Дюрралом, ваш мозг сам придумает способ сбежать.

Я, конечно, не так хорошо преуспела в арта туко, как Дюррал. А уж угнаться за Энной не мог даже он. И всё-таки были моменты, когда я начинала воспринимать мир подобным образом. Как будто... словно я видела всё вокруг совершенно по-новому. Дерево больше не было деревом – оно становилось лестницей, по которой можно подняться; или барьером, защищающим от смертельного удара; или шероховатой поверхностью, подходящей чтобы перетереть верёвку, если двигаться правильно.

Порой казалось, что физический мир исчезает, и на его месте возникают тысячи и тысячи механизмов и устройств, ловушек и уловок, которые только и ждут, чтобы я использовала их в своих целях.

Однако, из всех искусств аргоси арта туко – самое опасное. В подобном образе мышления есть какая-то холодность. Люди и животные начинают выглядеть всего лишь инструментами, а такие штуки как достоинство и порядочность могут вообще исчезнуть.

Так же бывает и с арта эрес – искусством защиты. Вы можете настолько увлечься, размахивая клинком, что забудете, зачем вообще его вытащили.

Мне очень жаль, мамочка. Я вовсе не хотела... Стоп. Если бы Энна была здесь, она напомнила бы, что для аргоси вина, горе и стыд – три названия одного и того же яда. Вы либо возмещаете ущерб, либо находите какой-то способ примириться с самим собой. Я не могла ничего возместить, поэтому бежала, не останавливаясь, – чтобы приёмный отец не догнал меня и дела не пошли плохо для нас обоих.

Я не могла оставить Бинто на произвол судьбы в пустыне, и это значило, что придётся найти ему дом. Тинто-Рея была единственным местом, кроме монастыря, которое он знал, и, стало быть, это наилучший выбор.

В городке стояла тишина. По крайней мере – за пределами шестнадцатифутовых стен. Должно быть, столетия назад тут находился замок или крепость, для которой и были выстроены эти укрепления.

Забравшись наверх, я принялась осматриваться, все органы чувств были настороже – я старалась не пропустить ничего, что происходило внизу и могло означать неприятности. Но там было тихо. Нет, не в том смысле, что в городке царила мёртвая тишина – напротив, он был наполнен звуками. Именно такими, которые вы ожидаете услышать в подобном месте после наступления темноты. Люди готовили еду в своих домах, разговаривали и звенели кастрюлями. До меня доносился запах дыма из печных труб. Я видела несколько мужчин и женщин, идущих по истёртым мошённым дорожкам. Никакой крови. Никакого хаоса. Можно многое узнать о месте, если посмотреть, как люди там живут своей жизнью, не зная, что за ними наблюдают.

Тинто-Рея была самым милым городком, какой мне доводилось видеть в Семи Песках. Станет ли она идеальным домом для глухонемого мальчика, потерявшего всё в результате невообразимо жутких событий? Я не знала наверняка, но думала, что альтернатива намного хуже.

Я прошла по стене до главных ворот и тут соскользнула на землю. Здесь, в приграничных землях, на входе вешают колокольчик, в который путешественники должны звонить, если хотят попасть внутрь. Я трижды как следует дёрнула за верёвку, сообщая о своём прибытии. Даже звон казался дружелюбным.

«Ладно, – подумала я, прислушиваясь к шагам людей, которые шли к воротам, чтобы меня впустить. – Давай-ка выясним, что не так с этим местом».

Глава 6

Тинто-Рея

Если и существовало на свете место, где жили более добрые и порядочные люди, чем в Тинто-Рее, то мне не доводилось там бывать. Я провела в городке полчаса, прежде чем вернуться к Бинто. И всё это время местные жители общались со мной вежливо, дружелюбно и добросердечно.

Да, я понимаю, о чём вы подумали: здесь должен быть какой-то подвох. Верно? Ловушка в пустыне, приготовленная для доверчивых путников, которых приглашают на ужин лишь затем, чтобы они в итоге стали тушёным мясом в котле.

Ладно, дружелюбие изобразить легко, а вот скорбь – гораздо сложнее.

– Мы получили известия два дня назад, – сообщил мне дородный мэр.

Его звали Орфанус. Это был немолодой мужчина, лет за шестьдесят, но в его плечах по-прежнему чувствовалась сила, какую приобретаешь, ведя простую жизнь, полную трудовых будней, но без чрезмерных страданий и лишений. Если его живот начинал давить на брючный ремень – что ж... он носил свой вес так, будто заслужил его.

Он покачал головой и сильно прикусил губу.

– Эти монахи никогда не причиняли вреда ни одной живой душе. Все в городе только и говорили о том, чтобы пойти в монастырь и достойно похоронить погибших. Увы, мы не знаем толком, что с ними случилось, и...

Орфанус указал в сторону людей, которые вышли из домов, бросив ужин, чтобы посмотреть, из-за чего весь сыр-бор.

– Мы здесь все зависим друг от друга. Я не могу рисковать своими людьми, если там опасно.

– А хорошо ли вы знали монаха, который управлял скрипторием?

– Хатама? Думаю, лучше, чем большинство из них. Он время от времени приходил сюда вместе со своим... О, духи земли и воздуха, бедный мальчик!

– У него был сын? – спросила я. – И что с ним случилось?

Я пока не собиралась рассказывать, что Бинто прячется всего в полумиле отсюда.

Орфанус вытер уголок глаза волосатым пальцем.

– Странный паренёк. Не произносил ни слова, разговаривал только на языке жестов, которым пользуются в монастыре. Хатам говорил, что он не глухой и не немой, просто... что-то с головой у него было не в порядке, я думаю. Что-то перестало работать, когда умерла его мама.

Так Бинто не глухой? Я хотела бы вытянуть из мэра больше, но ещё не готова была открывать свои карты.

– Хатам когда-нибудь вёл себя жестоко? – спросила я. – Может, он выпивал?

Орфанус бросил на меня такой взгляд, словно я смертельно его обидела. Впрочем, он тут же вздохнул и взял себя в руки.

– Ты, видимо, никогда не была в монастыре. Я в жизни своей не встречал более порядочных людей. Нет, Хатам не был склонен к насилию. Так же, как и другие монахи. Он любил свои книги и своего мальчика – вот и всё.

– А его подруга? Госпожа... Сурчиха?..

Пару секунд Орфанус смотрел на меня выпученными глазами, а потом расхохотался.

– Падра? Ты говоришь о Падре? – Он снова вытер глаза. – Думаю, она и правда была немного похожа на...

Он осёкся, когда мы оба поняли, как сильно я облажалась. Кто ещё мог придумать такое дурацкое прозвище для любовницы Хатама, кроме его сына?

Мэр протянул руку, пытаясь ухватить меня за ворот. Я двинула его локтем снизу вверх по внутренней стороне запястья. Там находится нервный узел. Если в него ударить, фатального вреда не причинишь, но противник дважды подумает, прежде чем снова хватать вас.

К тому времени, когда Орфанус был готов повторить попытку другой рукой, я отступила на три шага и открыла сумку-тубус.

– Я пришла не создавать проблемы, – сказала я.

Рядом с мэром стояло человек десять, но ни у кого из них не было арбалета и ничего такого прочего, чтобы в меня пнуть. Я следила за всеми, кто вышел на улицу – с того самого момента, как миновала ворота. До сих пор никто из них не зашёл сзади. Теоретически, кто-нибудь мог выйти за стену другим путём и подкрасться к воротам, но я следила за всеми, и никто не посматривал мне за спину.

Если дойдёт до драки, придётся заколоть Орфануса, бросить пару острых предметов в остальных, чтобы они поостереглись, – и бежать со всех ног.

«Что ж, теперь станет ясно, кто мы все такие на самом деле», – подумала я и стала ждать, что Орфанус будет делать дальше.

– У нас есть деньги, – сказал он.

Ладно, это не то, чего я ожидала. Я держала руку на рукояти шпаги, но пока не вытащила её.

– Деньги?

– Для Синей Птицы. Мальчика. Мы не так богаты, но если ты пришла требовать за него выкуп, мы дадим сколько сможем. А если ты решишь продать его в рабство или в какой-нибудь притон на севере, я лично тебя найду.

– Я не... Я не торгую детьми!

Орфанус глянул на меня с некоторым сомнением.

– Мы тебя не знаем. Ты пришла к воротам, спрашивала о бойне в монастыре и скрыла, что у тебя в руках сын нашего друга. Это не очень-то располагает тебе доверять.

– Сначала надо было убедиться, что можно доверять вам, – сказала я, оценив иронию ситуации. – Я не хотела вас обидеть.

Мэр примирительно вскинул руки.

– Тогда, может быть, начнём всё сначала?

Молодая женщина, немногим старше меня, с вьющимися каштановыми волосами, подошла к Орфанусу. Она была очень похожа на мэра. Вероятно, его дочь.

– С ним всё в порядке? С мальчиком?.. Я иногда присматривала за ним, когда Хатам бывал в городе.

Я выпустила рукоять шпаги, позволив ей скользнуть обратно в тубус. Я двигалась медленно и осторожно: не хотелось бы, чтобы люди подумали, будто я готова проткнуть насквозь любого, кто сделает хоть один неверный шаг.

– У него было несколько тяжёлых дней и ночей, но физически он не пострадал.

Женщина кивнула с облегчением, но тут же на её лице снова отразилась тревога.

– Неужели он... Синяя Птица был там, когда всё случилось?

Я кивнула. Орфанус и некоторые из горожан бормотали едва слышные молитвы. Не знаю, почему, но меня это раздражало. Я никогда не была поклонницей религии, и монахам она точно не помогла.

– Молитвы не принесут ему никакой пользы! – сказала я.

Пожалуй, это прозвучало слишком яростно. Кажется, я была на взводе – сильнее, чем думала.

– Сейчас мальчику нужен дом и люди, которые о нём позаботятся. Научат его читать по губам. Будут обнимать всю ночь, когда ужас, от которого он убежал, вернётся в кошмарах. Люди, согласные с ним нянчиться, когда он начнёт капризничать. А он начнёт! Он будет злым,

агрессивным и даже жестоким к тем, кто о нём заботится. Потому что так ведут себя люди, когда они сломлены. Они кричат, они говорят ужасные, жуткие вещи, а иногда вообще...

Возьми себя в руки, Фериус! Где, чёрт возьми, твоя арта фортезе?

Арта фортезе – это талант аргоси к стойкости. Человек, который в своих странствиях то и дело оказывается в опасных ситуациях, должен научиться терпеливо переносить боль и страдания – физические, умственные и эмоциональные.

Я не слишком преуспела в арта фортезе.

Дочь Орфануса, которую звали Лирида, сказала тогда нечто странное. Одну вещь, которую я никак не ожидала услышать от человека, который не был Энной Бурой. Всего несколько слов, которые заменили тысячу.

– Хорошо, что он нашёл человека, который его понимает. – Вот что она сказала.

Тогда вокруг воцарилась тишина, и Орфанус обнял дочь. Потом он снова обратился ко мне:

– От своего имени и от имени всех жителей этого города я принесу любую клятву, которую ты сочтёшь достойной. Мальчик нам не родственник, но мы самые близкие люди, какие у него есть. Он может жить здесь сколько пожелает, и мы будем заботиться о нём, как умеем. Ты тоже можешь остаться – столько, сколько надо, чтобы убедиться, что Синяя Птица счастлив с нами.

Он чуть поколебался и добавил:

– И даже дольше.

За свои семнадцать лет я успела повстречать тысячи лжецов. Недоверие – такая же часть меня, как рыжие завитки волос и шрамы на моей коже. Задолго до того, как овладеть навыками аргоси, я на собственном опыте научилась распознавать обман в каждой улыбке и каждом прищуре глаз.

Этот человек не лгал. И люди, которые были с ним, не лгали. Они искренне хотели дать Бинто приют. Не ради какой-то выгоды, а потому, что стремились сделать доброе дело и противопоставить его бессмысленной жестокости монахов, которых прежде знали как соседей и друзей.

– Я пойду и позову Бинто... То есть Синюю Птицу, – сказала я.

– Его зовут Бинто? – спросила Лирида.

– Нет, это просто... Просто я так его называю, вот и всё.

– У мальчика должно быть нормальное имя, – вступил Орфанус. – Бинто вполне подходит.

Я повернулась и пошла обратно к воротам, чтобы забрать мальчика и привести в лучший дом, какой я могла для него найти. Напряжение, которое я носила с собой с тех пор, как его жизнь стала моей заботой, ослабло. Теперь я хоть немного понимала, куда двигаться дальше.

Мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы пройти полмили по песчаной дороге. Ещё три, чтобы рассказать Бинто о городке и спросить, хочет ли он туда пойти. И ещё пять, чтобы вернуться в Тинто-Рею на спине Квадлопо.

Казалось, все горожане ждали нас. Я почувствовала облегчение, увидев, как счастлив Бинто и как люди в Тинто-Рее рады его видеть.

Облегчение и помешало мне заметить, что во всём этом кое-чего не хватает.

«Мы получили известие два дня назад», – вот что сказал Орфанус, когда я упомянула о бойне в монастыре.

В его глазах не было злобы. В его словах не было никакого коварства. Любой нормальный аргоси – да чёрт возьми! любой туповатый городской констебль – задал бы простой и очевидный вопрос.

Знаете, какие трюки самые смертоносные? Знаете, какие уловки вы не можете разглядеть, сколько бы арта превис не было у вас в запасе? Те, которые направлены не против вас.

Глава 7

Вопрос

В тот вечер я не пила. Даже не сделала ритуальный глоток ликёра, который отведаль Бинто, когда горожане устроили праздник в его честь.

Я улыбалась, когда люди улыбались мне, рассказывала байки и анекдоты, если меня просили, и даже потанцевала с парой местных парней. Однако я ни на миг не перестала искать признаки обмана. И возможно, именно поэтому я оказалась застигнута врасплох, когда наконец нашла их.

Вероятно, горожане удивились не меньше моего.

– Жизнь в Семи Песках нелегка, – начал Орфанус, поднимаясь на маленький деревянный подиум в главном зале городского магистрата. К тому времени вечернее празднество уже начало стихать. – Никто не знает этого лучше, чем семьдесят три души, живущие в нашем городе.

Он поднял палец и исправился:

– Семьдесят четыре души.

В зале раздалось несколько одобрительных возгласов. Люди, сидевшие возле нас с Бинто, потянулись, чтобы коснуться плеча мальчика. Он поднял сонные глаза и улыбнулся, будто понял слова мэра, а потом посмотрел на меня.

– Что он сказал? – жестами спросил Бинто.

– Он сказал, что ты жутко уродливый мальчишка и пахнешь хуже скунсов, которые иногда воруют их капусту. Но если ты пообещаешь не создавать проблем, то можешь жить со свиньями.

Бинто изобразил уже знакомый жест двумя пальцами, положил голову на стол и тихо захрапел.

Лирида, сидевшая рядом со мной, усмехнулась.

– Что ты там говорила насчёт свиней?

– Ты знаешь язык жестов? – удивилась я.

– Немного. Хатам меня учил, когда приводил Синюю Птицу... Бинто в город. Но я говорю на нём гораздо хуже тебя. Давно ты изучаешь безмолвную речь?

Первый урок арта локвит, который преподавала мне Энна, заключался вот в чём: надо слушать всё, что говорит тебе человек. За небрежным тоном Лириды скрывалась мелодичная хрупкость, как будто мой ответ имел для неё большее значение, чем подразумевал вопрос. Ей было важно выучить язык Бинто, и она старалась изо всех сил, – поняла я. Теперь едва уловимая нервозность этой темноволосой молодой женщины стала казаться милой и подкупающей.

Второй урок арта локвит, преподанный мне Энной, состоял в том, что всегда надо понимать, зачем ты говоришь то или это. Ты хочешь поделиться информацией? Что-то узнать? Или просто выглядеть умным? Какова ценность твоих слов и как это повлияет на ваши отношения с тем, кто слушает?

– Довольно давно, – сказала я. – Кажется, уже целую вечность.

Лирида улыбнулась. Казалось, мой ответ успокоил её.

– Сложно, да? Мне всё время кажется, что я тупица, если не могу научиться правильно дёргать пальцами.

Я громко застонала.

– Уф, я знаю. И Бинто очень быстрый. Я едва за ним поспеваю.

Лирида засмеялась. Это был тёплый смех, заставивший меня посмотреть ей в глаза и увидеть, что они зелёные. А потом на её губы. И они...

– Что ты делаешь, Добрая Собака, – спросил Бинто, едва заметно шевельнув пальцами.

Его голова по-прежнему лежала на столе, но сонные глаза приоткрылись. Лирида же неотрывно смотрела мне в лицо, так что я сумела незаметно ответить Бинто:

– Ничего. Спи давай, или я сама скормлю тебя свиньям.

– Ты останешься на ночь? – спросила Лирида.

На этот раз её голос звучал немного иначе, он словно бы стал более глубоким, и в нём появилось чуть заметное придыхание. Мы с ней не танцевали вместе, но когда выходили на танцпол и отплясывали джигу, которую Орфанус и ещё пара стариков играли на раздолбанных инструментах, мы не раз словно бы невзначай задевали друг друга. Теперь я увидела, что рука Лириды лежит на столе очень близко к моей – ближе, чем раньше. А когда она подвинула стул... её колено оказалось в дюйме от моего.

И о чём ты сейчас думаешь, Добрая Собака?

Я представила, как Бинто это спрашивает, но на сей раз он действительно спал.

Я никогда и ни с кем не... была. Большую часть своей жизни я избегала даже прикасаться к людям. Заклятия джен-теп, встроенные в сигилы на моей шее, заставляли любого человека возненавидеть меня. Теперь заклинание исчезло. Я жила с Дюрралом и Энной, а эта леди любит обниматься, скажу я вам. Какое-то время мне вполне хватало ласки. Но сейчас?..

Я потянулась через стол к блюду с чем-то вроде жареной картошки. Её нарезали ломтиками и подали с невероятно острым соусом. Когда я доела, моё колено касалось колена Лириды. Она не отодвинулась. И теперь – я не поняла, каким образом – наши пальцы переплелись.

– Ты в порядке? – тихо спросила она.

– Да. А что?

Её улыбка вернулась, но теперь она была другой. Более... интимной.

– У тебя дыхание участилось, Фериус.

Я потянулась за своей арта валар – тем, что Дюррал называл «дерзостью», но, как я поняла, могло быть и неким аналогом развязности. К сожалению, ничего не вышло.

– Соус очень острый, – сказала я.

Моё смущение стало болезненно очевидным. Лирида попыталась убрать руку, но я удержала её.

Порой вы не осознаёте, насколько одиноки, пока – хотя бы на краткий миг – не избавляетесь от одиночества.

– Да, я хотела бы остаться на ночь, – сказала я.

Лирида кивнула и выдержала мой пристальный взгляд.

Вот так были составлены планы, которые не требовали никаких обсуждений или дебатов. Никаких дополнительных предположений или неловких подтверждений. Я никогда ни с кем не была – ни с парнем, ни с девушкой. Никогда не целовалась. Никогда даже не прикасалась к ним, так что... Я думаю, это было бы великолепно.

Орфанус приближался к кульминации своей речи. Мы с Лиридой обернулись, чтобы послушать, молчаливо согласившись, что сейчас требуется немного осмотрительности.

– Итак, теперь мы можем посвятить себя этому мальчику, Бинто. Наша любовь поможет ему бороться с ужасной тьмой, которая забрала его отца, а также добрых братьев и сестёр из Сада Безмолвия.

Он сунул руку в карман и достал скомканный кусок пергамента.

– Страница дала мне это перед отъездом. Стихотворение. Обещание лучших времён. Я, конечно, не знаю всех слов. Похоже, это стихотворение написано на семи разных языках. Но она записала всё по слогам, чтобы я мог поделиться им с вами.

– Страница? – спросила я Лириду.

Она шикнула на меня, но я схватила её за руку и стиснула изо всех сил.

– О ком говорит твой отец?

Лирида поморщилась, но ответила:

– О путешественнице. Женщине, которая пришла в Тинто-Рею и рассказала про бойню в монастыре.

И вот он: ответ на вопрос, который я не задала.

«Мы получили известие два дня назад», – сказал Орфанус.

«Известие от кого? Кто рассказал вам о монастыре?» Я не успела спросить.

Мэр читал стихотворение. На первых строчках он спотыкался и запинаясь, как любой человек, читающий на незнакомом языке. Но с каждой секундой слоги произносились всё быстрее и увереннее, так легко, словно их вытягивала из Орфануса невидимая рука.

К тому времени, когда он дошёл до третьей строки, все в зале повторяли первую, следуя за каждой фразой Орфануса, как утята за уткой. Потом и Лирида заговорила. А затем я услышала те же слова – прекрасные, невероятные и непостижимые слова – слетающие с моих собственных губ. Они увлекали меня в ту же бездну, которую я уже видела в глазах Лириды. Она смотрела на меня голодным взглядом, не имеющим ничего общего с той нежной болью, какую мы обе испытывали минуту тому назад.

А потом раздался крик. С той стороны, где спал Бинто. Крик ударил в левое ухо, оглушив меня. Я обернулась и увидела, что мальчик стоит на скамье, широко раскрыв рот.

Бинто, который не умел разговаривать, кричал, кричал и кричал.

Глава 8

Две стрелы

– Эй, малышка!

– Да, папуля?

– Две стрелы. Одна летит в два раза быстрее другой. Которая из них попадёт в цель раньше?

– Па-ап?

– Что, малышка?

– Ты действительно разбудил меня среди ночи, чтобы спросить, какая стрела летит быстрее – быстрая или медленная?

– Отвечай на вопрос, Ферриус Перфекс. Однажды это спасёт тебе жизнь.

Когда я впервые встретила Дюррала Бурого, он делал невероятные вещи. Почти волшебные. Хотя на самом деле он никогда бы не опустился до чего-то столь жалкого, как магия.

Тогда более всего на свете я хотела быть похожей на него. Дюррал мог войти в любую комнату и мгновенно найти дюжину выходов, которые изумили бы даже архитектора, построившего её. Дюррал мог противостоять убийцам и боевым генералам – и при этом его улыбка предупреждала, что любая битва, которую они задумают начать против него, заранее проиграна.

– Фокусы, малышка. Ты используешь уловки и хитрости, пока не сообразишь, что делать.

Отсюда этот вопрос – или любой из сотни других, подобных ему. Дюррал время от времени дразнил меня, заставляя постигать истинный путь аргоси.

Видите ли, самый важный навык, которым должен овладеть любой странник-аргоси, содержится не в боевых приёмах арта эрес и не в стратегической смекалке арта туко. Дело не в отваге арта валар и не в неотразимом обаянии, которое мы называем «арта сива». Вы не найдёте его в красноречии арта локвит, в стойкости арта фортезе и даже в проницательности, сокрытой в арта превис, которую я так долго осваивала. Это всего лишь инструменты.

Какая стрела попадёт в цель раньше? Та, которая направлена в нужную сторону, разумеется.

В семи искусствах содержатся разнообразные и бесчисленные техники. Всё зависит от того, каким из четырёх путей ты следуешь. Вода. Ветер. Гром. Камень. То, как мы ориентируемся в этих направлениях в каждый следующий момент своей жизни, и определяет, доживём ли мы до глубокой старости или помрём в канаве. Поможем ли тем, кто нам дорог, или принесём им страдания. Служим ли мы благородным устремлениям или становимся рабами своих самых жестоких желаний.

Звучит сложновато, да? А я ещё не дошла до самой трудной части.

Кто такой истинный аргоси? Человек вроде Дюррала или Энны? Кто-то, кем я хотела стать, но всё никак не могла?..

Я оказалась в ловушке посреди зала, заполненного мужчинами и женщинами, которых свели с ума стихи, нацарапанные на клочке бумаги. Отчаянно кричал ребёнок, которому уже довелось увидеть невероятный ужас. Такой, какого не пожелаешь ни одной живой душе. А теперь он знал, что грядёт ужас ещё больший. И на сей раз нет способа убежать. Всё, что осталось, – пасть под волной безумия и кровопролития.

Вот когда аргоси должен использовать все семь талантов и идти всеми четырьмя путями – Воды, Ветра, Грома и Камня – одновременно.

– Папуль, о чём ты говоришь? Это невозможно! Такое никому не под силу.

– Конечно, возможно, малышка. Знаешь, почему?

– *Почему?*

Дюррал погладил меня по голове и взъерошил волосы, хотя мне уже сравнялось шестнадцать и я была старовата для такой ерунды. Потом он вышел из комнаты, бросив напоследок:

– *Потому что иначе ты умрёшь, вот почему.*

Я окликнула его:

– *Но пап, как использовать все семь талантов и идти всеми четырьмя путями одновременно?*

Он остановился и обернулся – всего лишь тень в дверном проёме.

– *Это зависит от тебя, мальшка.*

И он одарил меня одной из своих улыбок, которая – я знала – играла у него на губах, хотя я и не видела этого в темноте.

Я? Мне всегда нравилось начинать с арта валар. Возможно, именно поэтому я и сделала то, что сделала.

Вокруг меня царило безумие, неотвратимо приближалась гибель, а в ушах звенело от криков Бинто. А я встала со стула и подхватила мальчика на руки. Ужас, который я видела в его глазах, передался и мне, охватив каждую клеточку моего тела, но я ухмыльнулась и высвободила одну руку, чтобы подать Бинто знак.

– Улыбнись, малыш. Я с этим разберусь.

Глава 9

Танец грома

Я начинаю с арта туко. Исчезают крики, стоны, рычание и цепкие руки, тянущиеся ко мне. Здесь больше нет зала со стенами, которые удерживают нас. Нет пола, скользкого от пролитых напитков, пота и крови, льющейся из ртов с откушенными языками. Я отбрасываю все вопросы, скидываю их как омертвевшую кожу, потому что сейчас они мне ни к чему.

Заставляет ли болезнь людей откусывать себе языки – или это последняя отчаянная попытка воспротивиться, чтобы не распространять заразу дальше?

Это не имеет никакого значения. Прямо сейчас люди хотят только одного: разорвать меня в клочья.

Как могут несколько предложений – стихотворение, написанное на разных языках, которых эти люди даже не знают, – сводить с ума?

Не имеет значения. Они больше не люди. Это ногти, раздирающие кожу, и зубы, вгрызающиеся в плоть.

Неужели крик Бинто, ударивший в уши, защитил меня от безумия? Ведь все остальные оказались заражены и откусили себе языки, так что больше не могли внятно произносить слова. И есть ли какая-то связь между неумением мальчика разговаривать и его невосприимчивостью к этой странной болезни?

Все вопросы потом – когда мы выберемся отсюда.

Если выберемся.

Я поднимаю взгляд, и зал распадается на составные части. Сорок футов в ширину, чуть меньше двухсот футов в длину. Пол больше не пол, потому что разбросанные повсюду столы и стулья сделали его пересечённой местностью, отлично подходящей для лазания и прыжков. Мебель может стать укрытием, только и ждущим, когда кто-нибудь им воспользуется. Оружием, если дела пойдут совсем плохо.

Я перекидываю Бинто через плечо. Его вес – это бремя, которое... Нет. В арта туко нет бремени, только инструменты. Прямо сейчас я не представляю, как орущий ребёнок может стать инструментом, но я разберусь с этим позже.

Вес Бинто на моём плече влияет на равновесие, поэтому я меняю манеру движения и бегу к двери. Дверь перегораживают трое молодых людей, но я пока их игнорирую. У меня ещё много дел, с которыми надо разобраться.

Сперва – мужчина и женщина. Я бы сказала, что им обоим за шестьдесят, но они приближаются так стремительно, словно и знать не знают, что такое старость. Скрюченными как когти пальцами они тянутся к Бинто. Я иду Путём Воды – подныриваю под их руки, не сбавляя темпа, не беря у них ничего и ничего не оставляя позади.

Я слышу стук сандалий и башмаков по полу, как будто люди в зале кружатся в бешеном безумном танце. Я следую Путём Ветра, стараясь по звукам понять, сколько их там сзади – и в какую сторону повернуть, чтобы они врезались друг в друга.

Заражённые, похоже, не нападают друг на друга. Может быть, дребезжащее шипение, которое вырывается из их окровавленных ртов, – это некий язык, объединяющий их?.. Однако я сомневаюсь, что смогу воспроизвести подобные звуки, и не собираюсь откусывать себе язык и ломать зубы, чтобы это проверить.

Бежать становится труднее, поскольку всё больше горожан отрезают нам путь к отступлению. Я разворачиваюсь, делая вид, что возвращаюсь назад. Запрыгиваю на стул, а с него – на ближайший стол.

Горожане окружают нас. Держа Бинто на плече, я перепрыгиваю на соседний стол. Раздаётся визг, когда обезумевшие мужчины и женщины начинают толкать первый из столов, пыта-

ясь добраться до нас. Теперь нужно спуститься и вернуться к двери, но это невозможно. Людей слишком много, и они подобрались слишком близко.

Пришло время для Пути Грома.

Я использую твои таланты и начинаю танец со многими партнёрами. Шпага лежит в сумке-тубусе за спиной, и на то, чтобы открыть футляр и вытащить клинок, уйдёт больше времени, чем у меня есть. Бросить карты было бы быстрее, но они бесполезны против врага, который не ощущает боли.

Тогда я хватаю то, что могло быть пивной кружкой, но в моих руках это оружие – с удобной рукояткой и твёрдой изогнутой поверхностью, идеально подходящей, чтобы ломать мелкие кости.

Передо мной женщина с добрым лицом, та самая, которая предложила мне пряный картофель. Не знаю, почему, но теперь я отчаянно хочу этой картошки. Я разбиваю женщине нос, ударив кружкой снизу вверх, чтобы брызги крови попали ей в глаза.

Молодой человек – с широкими плечами и тонкой талией. У него красивая улыбка. Была. Я ломаю ему передние зубы тяжёлым днищем жестяной кружки.

Я пинаю один из стульев, чтобы он отлетел под ноги заражённым, идущим в нашу сторону. Чья-то рука хватается меня за правое плечо.

Я выпускаю кружку, накрываю руку своей ладонью и, крепко сжав её, резко приседаю, слыша хруст сломанных пальцев.

Вывавшись из цепкой хватки двух других горожан, я вижу на полу нож и наклоняюсь, чтобы его поднять. Мои удары не останавливают нападающих, но кровоточащие порезы на ладонях мешают им меня схватить. Это даёт мне ещё три секунды. И десять футов до двери.

Всё это время в уши бьёт несмолкаемое шипение. Оно вырывается из глоток горожан, охваченных безумием, которое – как я теперь знаю – исходит от клочка бумаги. Эту бумагу дала им таинственная женщина, приехавшая в монастырь Сад Безмолвия в поисках слов из старых книг, которые могли привести мир в движение и свести его с ума.

Я снова иду Путём Ветра. И почти слышу, как Дюррал предупреждает меня: оставь это на потом.

Я как раз собираюсь совершить самую глупую из ошибок – заглянуть в будущее и вообразить, что мы уже сбежали. В этот миг Орфанус загораживает мне дорогу. Его большой живот оказывается между мной и дверью, а сзади напирают люди. Они вот-вот свалят меня с ног, как стая волков, окруживших загнанного оленя. Я могу ударить мэра ножом, но лезвие недостаточно длинное, чтобы достать до внутренних органов и убить Орфануса за одно мгновение.

Старик тянет к нам руки, и арта превис подсказывает, что он хочет получить Бинто даже больше, чем меня. Я бросаю ему мальчика. Прости, малыш, но в бою арта туко превращает в оружие буквально всё.

Пока Орфанус ловит Бинто, я проскальзываю ему за спину и глубоко вонзаю нож в затылок мэра. Его конечности начинают дёргаться, и тело изгибается в последнем судорожном танце, который отправит бедолагу в могилу. Я хватаю Орфануса за волосы на затылке и дёргаю его назад. Он падает, роняя мальчика. Я подхватываю Бинто и плавно разворачиваюсь, чтобы бежать к выходу, но Путь Грома вот-вот предаст меня. Хотя мы всего в нескольких футах от двери, я слышу, что горожане слишком близко, прямо за спиной. И с Бинто на руках я не смогу бежать достаточно быстро.

Квадлопо стоит в сарае в сорока ярдах отсюда; я его даже не расседлала – просто на всякий случай. Понадобится всего несколько секунд, чтобы добраться до коня, вспрыгнуть на него и ускакать галопом. Вот только этих секунд у нас с Бинто нет.

Придётся следовать Путём Камня. Я выпускаю Бинто и выталкиваю его в распахнутую дверь. Он оборачивается, и я делаю несколько быстрых резких жестов пальцами, приказывая ему:

– Иди. Конь. Убегай.

Потом я разворачиваюсь, чтобы встретиться лицом к лицу с добрыми жителями Тинто-Реи, которые сейчас разорвут меня на клочки. Но я использую всё своё мастерство и каждую клеточку своего тела, чтобы встать на Путь Камня. И в эти последние секунды жизни я буду сдерживать натиск безумцев, чтобы Бинто успел уйти.

Пока скалящаяся и рычащая толпа надвигается на меня, я позволяю себе на миг представить будущее, которое никогда не увижу. Бинто – умный парень. Он побежит к Квадлопо и заберётся в седло. Потом он вернётся сюда, но увидит, что шансов нет – и уедет. Квадлопо – хороший конь. Он отвезёт Бинто к Дюрралу и Энне. Они поймут его язык, даже если это займёт больше времени, чем потребовалось мне. Они сообразят, что делать. Дадут Бинто приют и, может быть, даже научат обычаям аргоси.

«Неплохая мысль, чтобы с ней умереть», – думаю я. Ко мне уже тянутся чьи-то руки. И я едва не прыскаю от смеха, когда поднимаю взгляд и вижу перед собой Лириду.

«Похоже, – думаю я, – в конце концов мы с ней всё-таки станцуем».

Глава 10

Цена одиннадцати секунд

Время имеет грандиозное значение для всех семи талантов аргоси.

Арта локвит учит нас улавливать совершенно разный смысл коротких и длинных пауз в разговоре. Способность аргоси видеть сокрытое при помощи арта превис полностью зависит от того, сколько часов, минут или долей секунды мы можем на это потратить. Все танцевальные приёмы, которым Дюррал учил меня в арта эрес, тоже были связаны с чувством времени. А как насчёт арта фортезе – искусства стойкости, умения выдержать то, что другие не могут? Ну, тут время вообще самое главное.

По моим подсчётам Бинто требовалось одиннадцать секунд, чтобы добежать до сарая, отвязать Квадлопо и дать дёру. Одиннадцать секунд – это много, когда ты сражаешься, сдерживая смерть. Но я поклялась себе, что буду стоять в дверном проёме и следовать Путём Камня, пока не дам Бинто эти одиннадцать секунд.

Рука Лириды тянется ко мне. Я не пытаюсь оттолкнуть её, а поднимаю левый локоть и с размаху опускаю его на ладонь девушки. Возможно, ей наплевать на боль, но удар в нервный узел парализует руку и мешает Лириде схватить меня.

Это даёт нам одну секунду. Нужно ещё десять.

Двое других горожан нагоняют Лириду, оказавшуюся во главе стаи. Первый кидается на меня, и это большая удача. Всё, что нужно, – отклониться на пару дюймов влево. Он теряет равновесие и падает лицом вперёд. Я бью его каблуком по черепу и надеюсь, что через девять секунд позабуду отвратительный треск челюсти, сломавшейся об пол.

Девять секунд.

Следующий... Духи милосердные и жестокие! Это же просто мальчик! Мальчик лет одиннадцати. Он рычит и пытается укусить меня, как собака. Я хватаю пацана за волосы на затылке, поднимаю ногу и выбиваю ему зубы, разбивая нёбо. Он отшатывается, и это очень плохо, поскольку его место занимают двое милых людей с жадной убийства в глазах. Вероятно, родители мальчика.

Ещё восемь секунд.

Я делаю шаг назад – раньше, чем собиралась, и оказываюсь прямо за дверным проёмом. Теперь двое не могут напасть на меня одновременно. Проблема в том, что в следующий раз, когда я сдам позиции, возникнет брешь, которая позволит остальным окружить меня.

Мать мальчика кидается вперёд первой. Я низко наклоняюсь, упираюсь плечом ей в живот и резко выпрямляюсь, перекинув женщину через себя. Я знаю, что она сейчас встанет на ноги и нападёт на меня сзади. Всё в порядке, это часть плана.

Семь секунд. Мне нужно всего семь секунд.

Отец мальчика получает удар в горло, и его шипение превращается в судорожные всхлипы. Кто-то оттаскивает его от двери, чтобы освободить место. Лирида вцепляется мне в руку. Хватка у неё сильнее, чем я надеялась, но она ненамного крупнее меня, а я стою, согнув колени, что даёт мне более надёжную опору.

Разворачиваясь, я дёргаю Лириду за собой и швыряю к женщине, которая пытается кинуться на меня сзади – как я и предсказывала. Похоже, это столкновение сбивает их обеих с толку, потому что они кружатся в отвратительном танце, кусая друг друга за шеи и раздирая ногтями мягкую плоть.

Пять секунд.

Безумие, заразившее это место, делается всё хуже. Сперва все горожане охотились за мной, но теперь Лирида рвёт глотку женщине, которая, в сущности, могла быть её лучшей

подругой. Остальные столпились в дверном проёме, так что из него сплошь торчат лица и тянущиеся ко мне руки.

Ярость заражённых дала мне две драгоценные секунды. Я использую их, чтобы сделать выдох и открыть сумку-тубус. Однако, пока я выхватываю шпагу, самые сильные из горожан прорываются сквозь массу тел, и я знаю, что не смогу их сдержать.

Три секунды.

Всё, что нужно Бинто – ещё три секунды.

Лирида добирается до меня первой, оттолкнув в сторону крупного мужчину. Она делает это с такой силой, что я поневоле задумываюсь: не превратилась ли та короткая связь, мимолётное притяжение между нами, в жгучую ненависть, намного превосходящую жалкие возможности мышц и костей.

Я пытаюсь ударить её шпагой, но вытаскивать оружие было ошибкой. Я не могу сохранить нужную дистанцию между нами. Лирида хватается меня обеими руками за лицо, стискивая щёки, и сжимает изо всех сил. Кажется, она раздавит мне череп ещё раньше, чем дотянется зубами до горла.

Отшвырнув шпагу, я отпихиваю Лириду всем телом, но она продолжает надвигаться. Её губы приоткрыты, словно она хочет меня поцеловать, но шипящий звук, рвущийся из горла, недвусмысленно подсказывает, что это не так. Рот Лириды становится всё больше, будто она намеревается проглотить меня целиком. Я заглядываю в эту бездну и вдруг понимаю, что смотрю на железный наконечник стрелы.

Не успев понять, что происходит, я слышу свист второй стрелы. Она убивает человека, которого Лирида оттолкнула в сторону. Сама Лирида до сих пор пытается меня укусить, но силы уже покинули её. Я поворачиваюсь и дёргаю её голову вниз, роняя девушку на землю.

Потом я с кретинским видом оборачиваюсь, пытаюсь понять, кто стреляет в толпу, нагромождая перед дверью тела, которые не дают остальным выйти.

Лицо моей спасительницы закрыто полупрозрачной бежевой тканью, ей обёрнуты голова, туловище и руки, словно вся её одежда состоит из единого куска льняного полотна, скреплённого коричневыми кожаными ремешками. В руках она держит четырёхфутовый лук, вроде тех, что используют конные воины Забана.

– На твоём месте я бы легла на землю, – сообщает она мне мелодичным голосом.

Я не могу понять, что у неё за акцент, и это меня тревожит. Как тревожит и то, что она говорит очень спокойно, будто мы беседуем о погоде.

– У тебя не хватит стрел на всех, – отвечаю я ей.

Я пытаюсь отбежать подальше от магистрата и оказываюсь между двумя крепкими мужчинами. Они так похожи, что обязаны быть братьями. Женщина с закрытым лицом приказывает их парой стрел и неторопливо направляется ко мне. Она роняет лук, хватается за руку и дёргает, роняя на землю. Как раз в этот миг раздаётся грохот – оглушительнее любого грома. Он бьёт по ушам, и я чувствую спиной обжигающий жар, когда из магистрата вырывается яростное пламя.

– Лежи! – велит женщина.

Подняв взгляд, я вижу бестолково мечущихся горожан, ослеплённых дымом. Их одежда пылает, они превратились в живые факелы, рассеивающие ночную тьму.

Снова раздался жуткий треск – это провалилась крыша магистрата. Сквозь тонкую ткань льняного одеяния я вижу усмешку на губах женщины, которая только что спасла мне жизнь и обрекла всех остальных на гибель.

– Кажется, я переборщила со взрывчаткой...

Трещит пламя, и шипят безумцы. Вокруг нас – настоящая симфония хаоса. Я лежу на животе, уставившись на эту странную женщину, а она, по-моему, едва замечает кавардак, кото-

рый сама же тут устроила. Женщина смотрит на меня, и я кажусь себе маленьким ребёнком, которого она нашла заблудившимся в лесу.

– Не волнуйся, – говорит она, – теперь ты в безопасности.

Я чувствую огромное облегчение и бесконечную благодарность. Правда, всё дело портит её слишком уж высокомерный тон.

– Кто ты такая? – спрашиваю я.

Она стягивает ткань с нижней части лица, обнажая кожу – более тёмную, чем моя. Судя по её чертам, женщина едва ли сильно старше меня.

– Можешь звать меня Идущей Тропой Шипов и Роз, – говорит она. – Я аргоси.

Глава 11

Погребальный костёр

Когда моё тело наконец-то снова согласилось двигаться, а разум – возможно, по глупости – решил, что готов воспринять жуткие беды, обрушившиеся на когда-то мирный городок Тинто-Рея, я неуклюже поднялась на ноги.

– Надо потушить огонь, – пробормотала я, глядя на пылающий магистрат. Теперь он превратился в погребальный костёр для десятков семей, которые когда-то жили, любили и трудились в этом проклятом месте.

Женщина подошла и встала рядом со мной. Она подтянула повыше ткань, обёрнутую вокруг шеи, чтобы прикрыть рот и нос – защищая лёгкие от дыма, от которого я уже раскашлялась.

– И зачем бы нам делать такую глупость? – спросила она.

Я вскинула руку и не слишком уверенно указала на магистрат. Пламя уже грозило перекинуться на соломенные крыши ближайших домиков.

– Огонь распространится. Весь город сгорит дотла.

– Этот город мёртв, – просто ответила она. – Все здешние мужчины, женщины и дети погибли там, внутри.

Я на миг задумалась. Неужели правда все? Каждая живая душа в Тинто-Рее?.. Я не видела в магистрате ни младенцев, ни малышей, но в конце концов это был всего лишь крошечный городок. Лирида что-то говорила о родителях новорождённых, которые уезжают на север, подальше от суровой пустыни, и возвращаются, лишь когда их детям исполнится семь лет и они смогут переносить тяготы здешней жизни.

– Всё-таки может быть ещё кто-то! – настаивала я, хотя даже для меня самой это возражение звучало вяло и слабовато. – Вдруг кто-нибудь не пошёл на праздник и...

– Я проверила каждый дом в городе, прежде чем заложить взрывчатку. Никого не осталось.

Дым струился из развалин магистрата, и я кашляла всё сильнее. Уже почти вообще не могла дышать. Идущая Тропой Шипов и Роз схватила меня за ворот и оттащила подальше от огня – как упрямого мула.

– По-моему, это шок, – заявила она мне. – Психологическая травма. Потрясение от смерти людей, с которыми у тебя уже возникла эмоциональная связь. Будет очень круто, если ты сейчас возьмёшь себя в руки.

Мне хотелось наорать на неё, но всё, что я сумела выдать – это жалобный стон.

– Мы только что вырезали целый город.

Почему я едва могу шевелиться? Конечно, меня измотал бой и мучительная концентрация, которая требовалась, чтобы мыслить категориями арта туко. Царапины на руках и лице сочились кровью. Кто-то укусил меня за плечо. Дважды. В общем, синяков и ссадин оказалось предостаточно. Однако настоящие раны были куда глубже – и болели ещё сильнее от того, что я не могла говорить о них вслух.

Идущая Тропой Шипов и Роз начала вытаскивать свои стрелы из мёртвых тел, разбросанных вокруг магистрата. Она внимательно осматривала каждую из них, вытирала тряпочкой и клала в кожаный колчан, пристёгнутый ремнём к бедру. Меня она едва удостоила взглядом.

– Должна признать, что я удивлена, – сказала она. – Я наблюдала за тобой со стены, пока ты пробивалась сквозь крикунов. Похоже, ты использовала какие-то примитивные приёмы аргоси, но, на мой взгляд, слишком уж осторожно. Тем не менее, осмелюсь предположить, что ты тоже аргоси, как и я.

– Да, я аргоси, – ответила я. – Но не такая, как ты.

Тропа Шипов и Роз посмотрела на меня с интересом.

– Как тебя зовут?

– Фериус Перфекс.

– Это не имя аргоси. Скажи настоящее.

– Что? У меня его нет.

– Тогда ты не аргоси.

– Да пошла ты!

Она вложила последнюю стрелу обратно в колчан и двинулась прямо на меня, будто собиралась напасть. Потом я поняла, что эта женщина, вероятно, всегда так ходила – словно каждый её шаг вёл напрямик к великой и славной цели.

– Оживи какого-нибудь мертвеца, – сказала она.

– Что?

Она указала на труп мужчины средних лет, распростёртый на земле.

– Верни его к жизни своим чувством вины. Или ты ещё не научилась превращать вину, горе и стыд в чудодейственную силу воскрешения?

Я уставилась на неё, разинув рот.

– А ты можешь... Такое возможно?

Щеке стало больно и горячо. Я не сразу поняла, что девица влепила мне пощёчину.

– Конечно, нет, идиотка. Хватит уже вести себя как ребёнок.

Всего несколько минут назад мой разум и тело были полностью погружены в танец арта эрес. И теперь оплеуха вернула меня туда. Я взмахнула рукой, метя кулаком девице в челюсть и заранее зная, что им не сужено будет встретиться. Идущая тропой Шипов и Роз просто пригнётся и толкнёт меня ладонью в грудь, отбросив назад. Это даст ей дополнительный фут, нужный для правильной контратаки.

Однако мой удар был обманным манёвром. Когда она попыталась толкнуть меня, я присела, развернувшись, и её руки пролетели у меня над головой. Я схватила её за предплечье, вывернула его и выпрямилась, одновременно шагнув противнице за спину, а потом швырнула её через плечо.

Дюррал не одобрял такие грубые боевые приёмы. Он хотел, чтобы схватка становилась танцем, и нёс какую-то ахинею – дескать, как бы ни была эффективна техника, аргоси, который сражается как солдат, уже сдал самую важную позицию.

Возможно он был прав, потому что, хотя бросок казался идеальным, моя соперница каким-то образом использовала его, чтобы перекувыркнуться в воздухе и грациозно приземлиться, попутно зажав моё запястье в жёстком захвате.

– Больно? – спросила она небрежным тоном. Слишком небрежным для человека, который так жестоко выкручивает противнику руку.

Я молниеносно применила подряд три разных приёма, позволяющих высвободиться. Все они работали. Вот только каждый раз она просто использовала новый захват, ещё более сложный, чем предыдущий. В итоге она просто вывернула мне пальцы так, что пришлось прикусить язык – иначе бы я заорала.

– Разве боль не наделяет тебя сверхъестественными способностями, Фериус Перфекс? Разве благородное страдание не наполняет твоё тело такой могучей праведностью, что я просто никак не сумею причинить тебе вред?

Она развернулась, и теперь оказалась у меня за спиной. Моя рука больно впилась в мою же собственную поясницу, а противница обхватила меня локтем за шею и повернула лицом ко всё ещё пылающему огню.

– Или муки так же бесполезны, как и чувство вины? Они не могут освободить тебя от моей хватки? Не более, чем горе способно воскресить мёртвого? Эти люди погибли. Их больше

нет. Вини меня. Или вини себя, если тебе так нравится. Но не сомневайся, что все они умерли в тот момент, когда их безмозглый мэр произнёс вслух Алые Вирши.

– Значит, тебя совсем не волнуют те, кого ты убила? – выдавила я сквозь стиснутые зубы.

– Ни капельки. И я не пролью над ними ни слезинки. Аргоси не скорбит, ибо скорбь – это впустую растроченная любовь. Вокруг Семи Песков разбросаны сотни городов и деревень. Ты хочешь плакать? Собираешься оплакивать всех, кто умрёт, если эта чума распространится? А она распространится, Фериус Перфекс.

Она встряхнула меня. Мои и без того растянутые связки взвыли дурным голосом.

– Я видела трупы в монастыре Сад Безмолвия, – сообщила мне Идущая Тропой Шипов и Роз. – Расстояние между ними наводило на мысль, что потребовалось повторить стихи несколько раз, иначе зараза не перешла бы от человека к человеку. И всё же здесь, в Тинто-Рее, одна-единственная декламация забрала всех, кто её слышал. Кроме тебя и мальчика. Из этого можно сделать вывод, что человек, принёсший сюда чуму, усовершенствовал стихи.

– А почему тогда ты не заразилась? – спросила я. Как обычно, в самый неподходящий момент меня охватили подозрения. – Бинто не понимает разговорную речь. И он заорал, оглушив меня, когда мэр начал читать стихи. Но ты? Ты ведь наверняка была поблизости, так почему же на тебя это не подействовало?

Она тихо фыркнула у меня над ухом. Видимо, мой вопрос однозначно показывал, насколько я тупая.

– Разумеется, я залила уши свечным воском. Будь у тебя хоть капля арта туко, ты бы сделала то же самое.

– Отпусти меня, – буркнула я.

Всё это время я не оставляла попыток вывернуться из захвата. Безуспешно. Во всём, что касалось арта эрес, Идущая Тропой Шипов и Роз безусловно меня превосходила. И моя неспособность сопротивляться, казалось, раздражала её даже больше, чем моё невежество.

Она потрудилась дать мне это понять.

– Послушай, желторотик. Если что-то и замедляет распространение чумы, так это то, что заражённые откусывают себе языки и ломают зубы. Я полагаю, что баба, убившая людей, над которыми ты проливаешь бесполезные горькие слёзы, такого не планировала. Это просто побочный эффект. Но она совершенствует стихи. И что произойдёт, когда они распространятся во всех Семи Песках и за их пределами?.. А? Вот с чем мы столкнулись, Фериус Перфекс.

Женщина наконец отпустила меня. Более того: оттолкнула, заставив сделать несколько неуклюжих шагов в сторону догорающего магистрата.

– Так что либо проливай слёзы, пока пустыня не станет океаном, либо выбери путь, которого требует истинное сострадание, – и помоги мне положить конец Алому Крику.

– Алому Крику? – переспросила я, отступая от огня.

Она восприняла мой вопрос как капитуляцию, и её гнев, казалось, рассеялся.

– Так я называю эту заразу. Мне представляется, что безумие похоже на... бесконечный крик, вырывающийся из глоток жертв. Стихи, которые используются для распространения болезни – Алые Вирши, как я их поименовала, – они запускают что-то в мозгу, и это разрушает человеческую личность.

Я увидела свою шпагу, валявшуюся в нескольких футах поодаль, и пошла за ней.

– Похоже, ты много знаешь о болезни. Кто эта женщина, которая принесла сюда заразу? Горожане называли её странницей. Как она вообще создала Алый Крик? И зачем ей...

– У меня мало ответов, Фериус Перфекс. Я знаю лишь то немного, что рассказали мне трупы, гниющие в монастыре Сад Безмолвия. И то немного, что мы сами увидели в этом городе. И... это.

Я сунула шпагу в тубус и, обернувшись, увидела, что Идущая Тропой Шипов и Роз держит в руке игральную карту.

Я подошла. На карте не была обозначена никакая масть – только красиво нарисованная картинка. Тёмная фигура, идущая по извилистой тропке, а на заднем плане разбросаны старинные книги. Пламя, мерцающее у меня за спиной, заставляло фигуру казаться почти живой. Надпись под изображением гласила: «Искатель стихов».

До сих пор я только раз видела нарисованную вручную карту. Нарисовал её Дюррал Бурый, а на карте была я. Ну, та я, которая немного старше и у которой на губах играет подлинная улыбка аргоси. Я по сей день носила эту карту с собой и по сей день мечтала однажды стать той женщиной. Пока дела шли не слишком хорошо.

– Кто дал тебе этот дискорданс? – спросила я.

Энна рассказала мне, как работают колоды аргоси. У тех, которые встречались наиболее часто, была масть для каждой цивилизации континента. Они назывались конкордансами и изображали основные процессы и иерархию в том обществе, которое представляли. Но когда аргоси наталкивались на что-то неожиданное – то, что могло изменить ход истории – они рисовали карту под названием «дискорданс». Эти рисунки были скорее символическими, нежели реалистичными, и содержали те элементы, которые, по мнению аргоси, имели отношение к сути дискорданса. Если аргоси сознавал, что больше ничего не может сделать для решения этой проблемы, он передавал карту кому-то ещё – в надежде, что иной путь приведёт к большей ясности.

Наблюдая, как я медленно и методично изучаю взглядом каждый элемент карты, Идущая Тропой Шипов и Роз сказала:

– Хорошо. Ты не полный профан в наших обычаях.

Я посмотрела на неё, вглядываясь в черты лица так же внимательно, как в рисунок на карте. Ткань, обматывающая голову, снова сползла, открывая широкий рот, высокие скулы и слегка миндалевидные глаза. Она могла быть берабеском или даже гитабрийкой, но я не сказала бы наверняка, откуда она родом.

– Ты закончила восхищаться мной? – спросила она без тени смущения в голосе.

Седьмой талант аргоси – это арта сива, искусство убеждения. Или, как любит говорить Дюррал, очарования.

Твоя арта сива – полный отстой, Идущая Тропой Шипов и Роз.

Аргоси не верят в пророчества. Карты, подобные той, что она держала в руке, предназначались для понимания настоящего, а не для заглядывания в будущее. И всё же я была вполне уверена, предсказывая, что мне не понравится компания этой девушки. Я и представить не могла, что Бинто...

Бинто!

– Семнадцать преисподней и винторогий дьявол! – выругалась я, бросаясь к сараю.

Ведь я же сама приказала Бинто сваливать! Пока я стояла тут, препираясь с заносчивой и бессердечной аргоси, он мог преодолеть уже много миль. И если кто-то найдёт его раньше меня...

– Ты куда? – заорала Идущая Тропой Шипов и Роз.

– Мальчик! Который спас меня от заразы! – крикнула я, не замедляясь. – Я велела ему прыгать в седло и бежать! Я должна пойти по его следам, пока ветры пустыни не стёрли их нафиг!

Глава 12

Дурные слова

Я не успела добежать до сарая – Идущая Тропой Шипов и Роз догнала меня. А я даже не поняла, что она последовала за мной.

– Не о чем беспокоиться, Фериус Перфекс. Я разобралась с мальчиком до того, как всё тут взорвала.

Разобралась?! О нет! Пожалуйста, нет! Я надеюсь, что эта бездушная долбанутая не...

Я подскочила к сараю, сделанному из дерева и камня. Изнутри кто-то стучал кулаком по двери, которая – как я теперь увидела – была заложена тяжёлой дубовой доской.

Я уже собралась убрать её, когда кто-то со всей дури вделал по стене сарая справа от меня. Раздался оглушительный треск. Потом подкованные копыта большой разъярённой лошади ударили снова, пробив стену конюшни. В нас полетели осколки дерева и каменное крошево.

Очевидно, Квадлопо не закончил, поскольку пробил ещё две секции внешней стены – пока не расширил дыру достаточно, чтобы выйти. Оказавшись снаружи, он кинул на меня злобный взгляд.

– Это не я тебя заперла, – сказала я.

Квадлопо, казалось, не был уверен, в какой мере подобные показания могут служить оправданием в деле о его незаконном заключении.

Бинто пролез в дыру позади коня. Он плакал. Увидев, что я стою в нескольких шагах поодаль, он кинулся ко мне, размахивая руками. Его пальцы снова и снова повторяли:

– Хорошая Собака! Хорошая Собака!

Я поймала его в объятия и крепко прижала к себе. Всё маленькое тело мальчика сотрясало от рыданий, он тихо всхлипывал.

– Как я и сказала, – послышался голос у меня за спиной. – Я позаботилась о ребёнке ради тебя.

Я удвою усилия, изучая искусства аргоси, – поклялась я себе в тот момент. – И овладею арта эрес так, как никто и никогда прежде. Исключительно ради того, чтобы выбить из тебя всё дерьмо, дамочка.

Я выпустила Бинто из объятий и присела на корточки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

– Ты нет ранен? – жестами спросила я.

– Нет. Кто эта мерзкая тварь?

Почти рефлекторно я ответила:

– Так нельзя говорить. Это очень дурные слова.

Мастер Финус – наставник хороших манер, обучавший дароменских девочек и мальчиков достойному поведению – гордился бы мной.

– Она плохая женщина! – безапелляционно заявил Бинто.

Я обернулась. Идущая Тропой Шипов и Роз наблюдала за нами. Она явно не знала безмолвного языка монахов, и всё же я видела, что аргоси начинает понимать смысл знаков, которыми обменивались мы с Бинто. Очевидно, она делала выводы из контекста и нашей мимики.

Если эта мадам и была старше, то вряд ли больше, чем на год. Как же вышло, что она во всём этом настолько лучше меня?

Бинто жестами показал, что было бы невежливо не представить его нашей несимпатичной спасительнице. Но на удивление трудно оказалось придумать знаки, чтобы объяснить ему имя «Идущая Тропой Шипов и Роз».

После трёх попыток Бинто покачал головой и сказал жестами:

– Роза. Она Роза.

Я попыталась поправить его, но, похоже, мальчик решил, что тема закрыта.

– Что он сказал? – спросила Идущая Тропой Шипов и Роз.

– Назвал твоё имя.

– Как-то... слишком коротко, – сказала аргоси и повторила знак, который уже ухватили её изящные пальцы. Казалось, она была разочарована его простотой.

– Это значит «Роза», – объяснила я, но, увидев досаду на её лице, решила сделать кое-что получше. – На самом деле, это означает «Розочка». Бинто говорит, что отныне так и будет тебя звать.

Оставив Розочку наедине с её недовольством, я вошла в сарай через разломанную стену и забрала седло Квадлопо, из которого он умудрился вывернуться во время побега. Затем пришлось предпринять неоправданно трудные шаги, надевая седло на коня, который был недоволен и желал это продемонстрировать. Потом я обернулась и увидела, что аргоси и Бинто взирают друг на друга, словно состязаясь в поединке воле.

– Мальчик на удивление туп, – сказала Розочка, очевидно, не понимая, как неприятно это прозвучало. – Похоже, он не умеет читать по губам, чему должен был научиться любой глухой ребёнок. И хотя он не реагирует на звуки, я вижу, что какая-то часть его сознания улавливает окружающие шумы. Более того: когда мэр начал читать Алые Вирши – он закричал. Значит, способен воспринимать хотя бы элементарную речь. Из всего этого мы можем сделать вывод, что его странное поведение в отношении звуков является результатом обучения. Иными словами, отец в монастыре научил его быть таким.

– И ты всё это узнала, просто посмотрев на него пару минут?

Она ответила лёгким, почти мелодичным, фырканьем.

– Я знаю гораздо больше, Фериус Перфекс.

– Просвети меня.

Она указала на Бинто:

– Ребёнок, похоже, невосприимчив к Алому Крику. Это объясняет, почему он пережил бойню в монастыре. Кроме того, некоторые горожане сидели даже дальше вас от подиума, где мэр читал стихи. Учитывая это, вполне очевидно, что тебя защитил именно крик мальчика, находившегося поблизости. Таким образом, перед нами открывается путь для расследования. А также налицо серьёзная проблема.

Я помогла Бинто подняться и усадила его в седло Квадлопо.

– Какая проблема?

– Странница, кем бы она ни была, осуществляет сложный план и преследует цель, которую мы пока не знаем. Она придумала болезнь, которая заражает человеческий разум просто через последовательность слогов. Это доказывает, что враг обладает недюжинным интеллектом. И она сделала всё так, что до сих пор никто не раскрыл её замысел. Иными словами, она очень хитра. В общем, не стоит сомневаться, что либо эта женщина уже знает об иммунитете мальчика, либо очень скоро узнает. Странница придёт за нами.

Розочка оглянулась на меня.

– Придётся оставить ребёнка в живых, пока мы не поймём, каким образом он сопротивляется Алым Виршам.

– И как же мы это сделаем? Мы ничего не знаем об этой «страннице», и никто из нас не разбирается ни в науках, ни в магии. Словом, ни в чём таком, что могло бы остановить болезнь. Кроме того: куда теперь везти Бинто?

Идущая Тропой Шипов и Роз подтянула кожаные ремни, которые удерживали её льняные рукава на запястьях и предплечьях.

– Что ж. Впервые зараза появилась в Саду Безмолвия. Отсюда следует вывод: последние ингредиенты, которые требовались Страннице для создания болезни, находились именно там.

– Да. Но все монахи уже мертвы. Что мы можем узнать в монастыре? Или ты думаешь, что там остались какие-то нужные книги?

Аргоси бросила на меня взгляд, в котором было не столь много презрения, сколь любопытства: окажусь ли я хоть чем-то полезной – или ей придётся спасать мир в одиночку?

– Очевидно, что нет. Однако, как я сказала, та женщина нашла в монастыре только последние компоненты для своих смертоносных стихов. Последние, а не все. Сад Безмолвия вряд ли был первой остановкой в её путешествии. Таким образом, если мы экстраполируем её намерения на другие места, где хранятся запрещённые тексты, мы вполне можем найти людей, которые встречались со Странницей, но остались в живых. И от них что-то узнаем о её целях и намерениях.

– Или просто пройдем по следу из мёртвых тел, – буркнула я.

Бинто, чувствуя, что стал предметом обсуждения, спросил:

– О чём говорит эта неприятная женщина?

Я обдумала ответ, пытаясь собрать воедино всё то, что так быстро выяснила Тропа Шипов и Роз.

– Она говорит, что мы с ней защитим тебя, – сказала я наконец. В конце концов, это была правда, пусть и не вся.

– Она мне не нравится. У неё самодовольный вид.

Я усмехнулась и ответила жестами:

– В этом мы с тобой солидарны, малыш.

Аргоси направилась по тропинке в сторону города. Поняв, что мы не последовали за ней, она остановилась и обернулась:

– Ну так ты собираешься помогать или нет? Я-то думала, ты настолько преисполнена состраданием к этим несчастным душам, что твоё сердце просто-таки разорвётся, если ты не постарайшься ради них.

– Но ты сказала, что здесь все мертвы!

– Я сказала, что люди мертвы. Есть ещё животные. Домашний скот в загонах, собаки на цепях в своих конурах. Разве ты не слышишь рёв и лай? Или их жизни не стоят наших усилий?

Она продолжила путь по тропинке.

– Что происходит? – спросил Бинто, глядя на меня с седла Квадлопо. – Ты искажаешь своё лицо непонятными способами.

Я взяла коня за уздечку и направилась вслед за аргоси – спасти невинных обитателей этого проклятого места.

– Такое лицо я делаю, когда чувствую себя глупо.

Вот так мы отправились освобождать из плена разнообразных коз, пастушьих собак и прочих животных. Это должно было занять не один час. Внезапно загадочная девушка – которая, хотя и следовала Пути аргоси, была вообще ни в чём не похожа на меня, – остановилась и обернулась, как будто пришла к некоему важному выводу.

– Ну что? – спросила я.

Она стянула с лица льняное покрывало. Её губы сжались в тонкую линию, брови были нахмурены, а щёки пылали, словно она впервые в жизни испытала смущение.

– Я решила, что мне не нравится имя «Розочка», – сообщила она нам. – Отныне ты будешь называть меня Идущей Тропой Шипов и Роз и научишь ребёнка делать так же.

Я подмигнула ей и повела Квадлопо с Бинто на спине к ближайшему коттеджу.

– Как скажешь, Розы.

Арта превис

Проницательность

Заметить то, что другой скрывает – самый простой из навыков арта превис. Гораздо ценнее узнать те секреты, которые человек знает, сам не подозревая об этом.

Глава 13

Обучение

Я часто приставала к Дюрралу и Энне, прося растолковать, как работают таланты аргоси. Например, какой прок изучать искусство защиты, если учителя никогда не показывают тебе конкретные движения? Всё моё обучение состояло из расплывчатых принципов и обрывков философии приграничья, которые звучали умно, но не имели смысла. Хуже того: когда я пыталась воплотить на практике свои смутные предположения о том, что на самом деле означают эти концепции, я не могла заставить наставников оценить мою успеваемость.

Я могла целый день напролёт танцевать в комнате, пытаясь превратить аксиомы вроде «воин использует силу врага против него, аргоси же просто помогает ему» во что-то полезное в бою. Но на деле я просто-напросто танцевала.

– *Продолжай в том же духе, малышка*, – говорил в таких случаях Дюррал.

– *Но правильно ли я делаю?* – спрашивала я.

Энна, к которой я обычно обращалась за практическими советами, отвечала:

– *Ты делаешь это по-своему, Фериус. Единственным способом, каким можешь.*

Конечно, я бесилась.

Однако в первые дни и недели путешествия в компании Идущей Тропой Шипов и Роз я узнала, что есть вещи похуже, чем наставники, изрекающие двусмысленности.

– Ты снова делаешь всё неправильно.

Я продолжала выделять плавные, почти изящные пируэты на опасно обледеневшей каменистой земле. Здесь, высоко в горах, на Зифитанском хребте, который тянулся с севера на юг по краю Семи Песков, утренние туманы обволакивали ноги, создавая впечатление, что вы идёте по облакам. Опыт танца в таком необычном месте был волшебным, почти сказочным. Если, конечно, никто не критиковал вас каждую минуту.

– Меня не интересует твоё мнение, – напомнила я Рози.

– Тем не менее.

«Тем не менее» – это было начало речи, которую я к тому времени уже выучила наизусть.

Она звучала так: тем не менее мы являемся спутницами в путешествии, результат которого имеет большее значение, чем обе наши жизни. Таким образом мы обе должны делать всё, чтобы выполнить свою миссию в полной мере – насколько это вообще возможно. Поэтому твои боевые навыки – какими бы они ни были ограниченными из-за врождённой плохой координации и полного неумения концентрироваться – могут иметь решающее значение в наших начинаниях. Мы обеспечиваем друг другу безопасность. И игнорировать твои очевидные недочёты в арта эрес было бы с моей стороны ещё хуже, чем критиковать их. Это означало бы намеренно саботировать наши поиски.

Я остановилась, позволив ключьям клубящегося тумана осесть вокруг моих ног.

– Докажи, – сказала я.

Рози, как всегда завернутая в полупрозрачную бежевую ткань, скрестила руки на груди.

– Сегодня выводы окажутся такими же, как и вчера. В результате чего ты снова будешь скулить из-за своих синяков всю дорогу до монастыря.

В её словах был смысл. У нас ушло двенадцать дней, чтобы забраться так далеко. Если повезёт, к вечеру мы закончим восхождение и доберёмся до монастыря с неприятным названием – монастырь Алых Слов. Если кто и знал, как простая последовательность слогов может вызывать безумие, то это – красные монахини.

Так что на самом деле мне следовало просто подавить раздражение и промолчать.

– Докажи, – повторила я и прибавила: – Рози.

Прикрыв глаза, я слушала, как она приближается ко мне. Здесь, высоко в горах, звуки разносились запутанным эхом. Казалось, что мягкие шаги раздаются спереди и сзади одновременно. Но я была внимательна, училась улавливать тонкие различия в отзвуках, и сегодня – сегодня! – намеревалась наконец-то сбить Розы с ног.

Я уклонилась от первого удара. Затем свела предплечья, чтобы заблокировать вторую атаку – я знала, что это будет удар коленом. Розы, как правило, каждый раз применяла одну и ту же последовательность движений – и не потому, что была предсказуемой. Просто ей нравилось демонстрировать, что никакая подготовка не спасёт меня от падения на задницу.

– Слишком медленно, – сказала Розы, хватая меня за оба запястья. После чего она кувырнулась назад, перекинув меня через себя.

В большинстве случаев именно в этот момент я и оказывалась на заднице. Сегодня, однако, я добавила к её броску собственный импульс и сделала сальто.

– И безобразно, – закончила Розы. Каким-то образом она умудрилась вскочить на ноги ещё до того, как я приземлилась.

– Но вполне эффективно.

Как обычно, она обрушила на меня шквал яростных атак. Пинки. Тычки локтями. Удары в висок, которые могли погрузить вас в полубессознательное состояние, и оплеухи, которые довершили бы дело. Причудливые атаки вроде «клюва сокола», когда аргоси сводила вместе пальцы и била в крохотную область на теле. Такие удары оставляли маленькие круглые синяки, которые жалили как семь голодных демонов, вгрызающихся в вашу плоть.

– Уворачивайся. Скользи. Уклоняйся. Блокируй.

Она давала эти подсказки точно вовремя. Всё, что мне следовало делать – подчиняться командам, и я была бы в полном порядке. Но, как сказал бы Дюрал Бурый: «Я не так устроен, сестра».

Вместо этого я танцевала с Розы, позволяя ей достать меня. Я кружилась и уворачивалась, избегая самых неприятных ударов, и в то же время пыталась хоть как-нибудь коснуться противницы – рукой, ногой или на худой конец плечом. Моя техника приводила Розы в бешенство, и это было хорошо. Увы, такие приёмы никогда не работали долго, и всё заканчивалось... неприятностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.